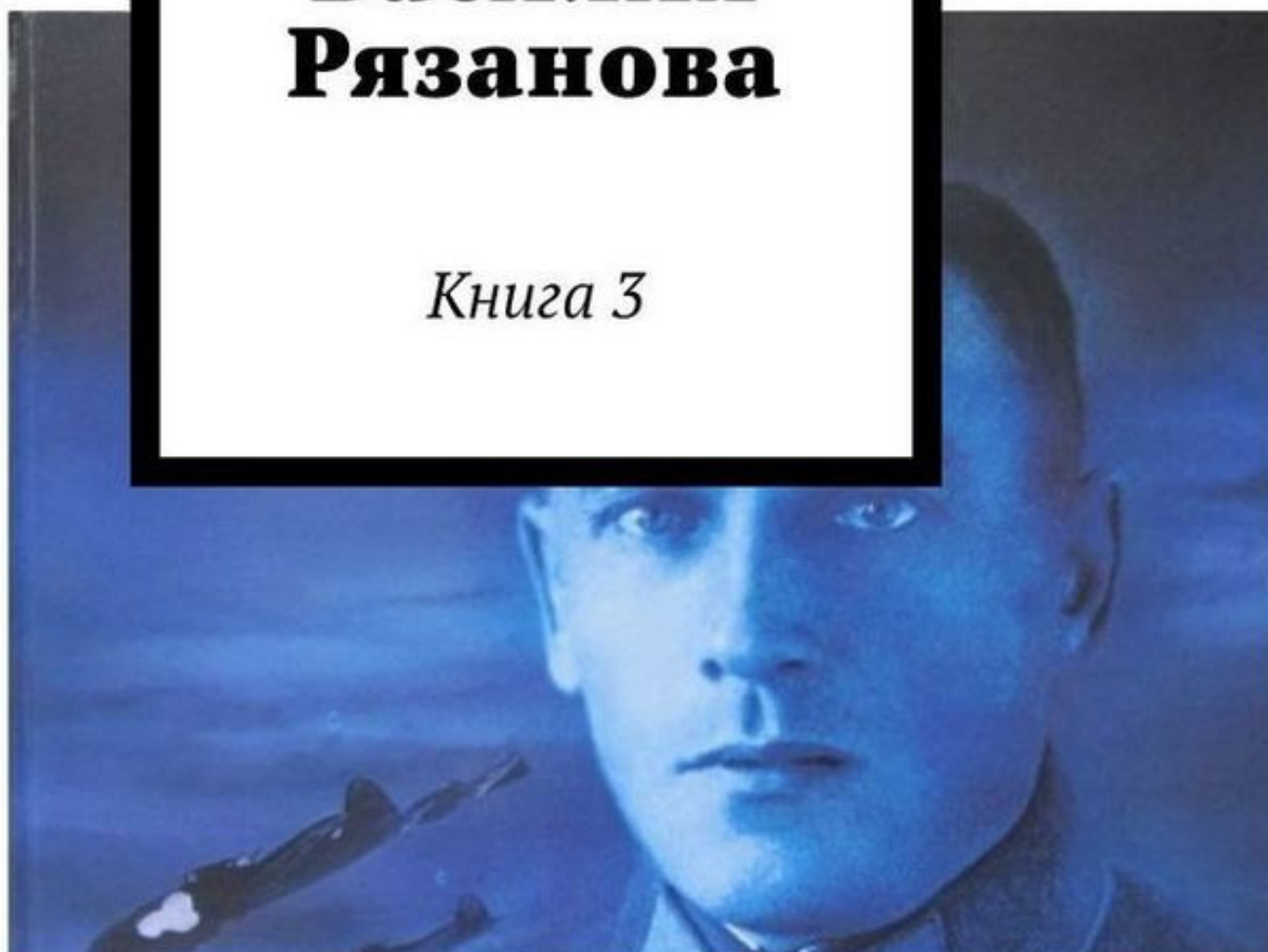

18+

Василий Васильевич
Рязанов
Ирина Борисовна
Рязанова

**Жизнь
и война
генерала
Василия
Рязанова**

Книга 3

Василий Рязанов

**Жизнь и война генерала
Василия Рязанова. Книга 3**

«Издательские решения»

Рязанов В. В.

Жизнь и война генерала Василия Рязанова. Книга 3 /
В. В. Рязанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988527-2

О жизненном и боевом пути дважды Героя Советского Союза гвардии генерал-лейтенанта авиации Василия Георгиевича Рязанова (1901—1951). Он командовал первым соединением штурмовиков Ил-2, 1-м гвардейским штурмовым авиакорпусом. О боевых операциях, о летчиках, воевавших под началом Рязанова. На основе воспоминаний одного из них, С. Д. Луганского, написан сценарий известного фильма «В бой идут одни „старики“». В книге 3 описаны послевоенные события и в приложении дается книга И. Б. Рязановой.

ISBN 978-5-44-988527-2

© Рязанов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 23. После войны	7
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Жизнь и война генерала Василия Рязанова

Книга 3

Василий Васильевич Рязанов
Ирина Борисовна Рязанова

© Василий Васильевич Рязанов, 2020

© Ирина Борисовна Рязанова, 2020

ISBN 978-5-4498-8527-2 (т. 3)

ISBN 978-5-4498-8318-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В этой третьей заключительной книге описывается послевоенная жизнь Василия Георгиевича. Много фотографий. Все-таки мирное время. Хотя он уже, видимо, не так любил фотографироваться, как раньше. В Приложении 2 воспоминания Ирины Рязановой, полный вариант, ссылки на который есть в первых двух книгах. Её фотографии. Выложил бы больше, но ограничения в объеме.

Глава 23. После войны

Напряженно и интенсивно трудился Василий Георгиевич всю свою жизнь. После войны ему довелось прожить 6 лет и 2 месяца. Однако и этот период оказался заполнен трудами, хотя он уже дважды Герой, мог бы расслабиться и отдохнуть. Но время снова изменилось. Да и почивать на лаврах он просто не мог. Два состояния: рабочее и состояние гибели, комы, анабиоза. Стоять нельзя, равновесие динамическое, неустойчивое в статике. Как волчок в гироскопе, – надо крутиться, постоянно суетиться, бежать, что-то делать. Хотя в последние годы он чуть сбавил темп. Но пребывал в рабочем, обычном своем состоянии, трудился, творил, горел, сжигая себя, как он всегда просто жил. Видимо, его биохимические процессы протекали так, что он стабильно пребывал в состоянии творческого труда. Чтобы помочь своей стране, – не болтовней, а важными реальными делами, – надо, во-первых, правильно мыслить, затем – обладать каким-то умением, а – самое главное – много и упорно работать. Человек должен двигаться. Как акула, которая задохнется, если остановится. Как двухколесный велосипед, без опоры неустойчивый, будучи неподвижным. Состояние живого организма, стационарное, но неравновесное. Если организм перестанет дышать или пить и есть, то перестанет жить. Так и в мире душевном, человеческом. Поэтому и воюют, и любят, и пьют. Поэтому строят научные теории и пишут романы, занимаются политикой и квартирными ссорами, спортом и сетевым маркетингом, с фанатизмом болеют за футбольные команды и собирают марки. Но у человека движение в мире человеческом, гуманном. Кто-то в этом мире балансирует, как цирковой акробат на шесте. Кто-то, – и таких, наверное, подавляющее большинство, – или топчется на месте или кружится по кругу, некоему замкнутому циклу. Но есть люди, медленно и упорно идущие вперед. А есть и те, кто совершает прорывы, и те, кто попадают в хаотическое состояние, и в странном аттракторе – притягивающем множестве – со случайным периодом перескакивают из одной области в другую. Теперь же снова наступил переходной слой со всеми сопутствующими хаотическими режимами.

В книге А. Драбкина «Я дрался на Ил-2» Хухриков Юрий Михайлович, летчик из 566-й шАП, говорил: *«Нет. Коль уж ты попал в боевую обстановку, состояние напряжения не проходит. ... Ты все время в напряжении. Просто немного отдыхаешь, потому что какое-то время ты будешь гарантированно находиться в относительно спокойной обстановке... Но это невыносимо тяжело... На фронте не болели, напряженность съела всю хворь. И люди держались за счет этой напряженности»*. Затем уже выплывали все болячки, которые скрывались во время войны нервным напряжением. Мама говорила, что на фронте и спали в снегу на морозе и в грязи, чуть ли не в лужах, но не простуживались.

17 мая 1945 года В. Г. Рязанов пишет письмо сыну: *«...Хоть и с опозданием (не по моей вине) поздравляю тебя с великим Днем Победы. Уже теперь более реально есть надежда, что скоро увидимся. Пиши мне, как закончил учебный год и как планируешь лето. Постараюсь принять все меры к тому, что если нельзя совсем, то хотя бы месяц провести с тобой и мамой. Крепко целую. Твой папа. Чуть было не забыл написать насчет танцев. Учиться танцевать обязательно нужно и обязательно научиться танцевать хорошо. Для этого надо присматриваться к тому, как получается у других, следить за собой. А главное, чувствовать такт музыки, чтобы свободно идти вместе с музыкой. Не делать лишних движений, хорошо (прямо и красиво) держать фигуру. Хорошо танцевать – великое дело...»*.

10 июня 1945 г. на основании директивы Ставки ВГК от 29 мая 1945 г. 1-й Украинский фронт расформирован, его полевое управление реорганизовано в управление Центральной группы войск. Это ведь и моя память, на генетическом уровне. Мне передались эти ДНК и прочие молекулы, помнящие эти события. Хотя я и свою жизнь в деталях не помню. А вспоминать чужую, хотя бы и отца... Но статистика зафиксировала, что боевой путь корпуса

составил 4500 километров, начиная от Москвы и до Праги. Около 6 тысяч авиаторов соединения отмечены орденами и медалями, семь дважды Героев Советского Союза: В. И. Андрианов, Т. Я. Бегельдинов, С. Д. Луганский, И.Х. Михайличенко, М. П. Одинцов, В. Г. Рязанов и Н. Г. Столяров. Герой Советского Союза И. Г. Драченко стал также полным кавалером ордена Славы.

Жизнь Василия Георгиевича оказалась драматичной. Но она была и наполненной до краев, насыщенной и радостями, и тревогами, и заботами. Он был крестьянином, служащим, учителем, политработником, пропагандистом, летчиком и командиром. Но, кем бы он ни работал, он оставался настоящим, живущим достойно человеком. За это его и уважали, и любили современники, все, кто знал его, с ним встречался. Одним из самых торжественных и праздничных в истории корпуса и в жизни В. Г. Рязанова стал день 4 июня 1945 года. На аэродроме Финстервальде вручают орден Суворова 1-му гшак. Рязанов встречается на летном поле И. С. Конева, рапортует ему о готовности корпуса к вручению награды. Тут и командующий воздушной армией С. А. Красовский. Конев приветствует бойцов: здравствуйте гвардейцы – летчики—штурмовики! Маршал и генералы обходят строй, направляются к трибуне. При встрече маршала развернуто гвардейское знамя корпуса. Перед строем знамя проносят Герои Советского Союза майоры А. Е. Максимов, М. К. Токаренко и лейтенант И. Г. Драченко.

Командование на трибуне. Конев зачитывает указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении корпуса орденом Суворова II степени и прикрепляет орден к гвардейскому знамени корпуса. Ему помогает Рязанов. Конев передает гвардейское знамя Рязанову. Конев читает указ о награждении орденом Суворова II степени 9-й гвардейской дивизии. Конев и командир дивизии С. А. Донченко прикрепляют орден к гвардейскому знамени дивизии. Конев зачитывает указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении Героя Советского Союза В. Г. Рязанова второй медалью «Золотая звезда», поздравляет Рязанова с правительственной наградой. Кавалер двух Золотых Звезд обязан подавать пример подрастающему поколению. Рязанову не привыкать, – всю свою службу он учил молодежь. С. А. Донченко писал: *«Выступившие... И. С. Конев и... С. А. Красовский отметили, что за два года совместной боевой работы не было ни одного случая невыполнения, срыва боевой задачи, ни одной жалобы со стороны наземных войск. Мы понимали — большая заслуга в этом нашего командира генерал-лейтенанта Рязанова, первого авиатора, осуществившего управление боевыми группами с переднего края наземных войск».*

Наградной лист представления был подписан командующим 2-й воздушной армией генерал-полковником авиации С. А. Красовским еще 5 февраля 1945 года. Вот его текст:

Гвардии генерал-лейтенант Рязанов участник Отечественной войны с первых дней.

На всем протяжении Отечественной войны командовал крупными авиационными соединениями. С июля по сентябрь 1942 года командовал 2-й Авиационной армией Ставки Верховного Главнокомандования, в состав которой входило 9 авиационных дивизий, преобразованные затем в 1-й штурмовой авиационный корпус. Несмотря на сжатый срок подготовки тов. Рязанов умело сколотил руководящий состав подчиненных частей, организованно и в полной готовности подготовил корпус к своевременному выходу на фронт. Свой славный боевой путь генерал Рязанов начал на Калининском фронте. Под его командованием части авиакорпуса действовали сначала по срыву наступления противника на Велико-Лукском направлении, а затем в освобождении гор. Великие Луки и разгроме Демянского котла, обеспечивая при этом успех нашим наземным войскам. За четкую и правильную организацию боевой работы частей корпуса по освобождению от немецких оккупантов г. Великие Луки и разгрома Демянской группировки противника тов. Рязанов в феврале 1943 года награжден орденом Красное Знамя.

По приказу ставки верховного главнокомандования тов. Рязанов со своим корпусом 19 марта 1943 года переброшен на Воронежский фронт и вошел в состав 2-й воздушной армии.

За период боевых действий на Воронежском фронте части корпуса вели напряженную боевую работу по отражению наступления противника на Белгородском направлении. За отличное руководство боевыми частями военный совет воронежского фронта вынес благодарность лично генералу Рязанову и всему личному составу, участвовавшему в разгроме наступавших бронетанковых сил противника.

19 июля 1943 года авиакорпус вошел в состав Степного фронта в оперативное подчинение 5-й воздушной армии. За время пребывания на Степном, а затем на 2-м Украинском фронтах авиакорпус поддерживал наступающие наземные части на Белгородско-Харьковском направлениях, форсировании реки Днепр и расширении плацдарма на правом берегу Днепра. Имея хорошую оперативно-тактическую подготовку, большой боевой опыт командования крупными авиасоединениями, отлично организовал работу по взаимодействию с наземными войсками и управлению боевыми действиями авиации на поле боя. В героических боях по освобождению от немецких оккупантов городов Харькова, Краснограда, Полтавы, Кременчуга, Знаменки и Кировограда, корпусу и всем трем отличившимся авиадивизиям присвоены собственные наименования: Кировоградский, Красноградская, Полтавская и Знаменская. Лично тов. Рязанов за самоотверженную боевую работу и отличное управление боевыми частями награжден орденом Суворова 2-й степени. В боях за социалистическую Родину по освобождению от немецких оккупантов Советской Украины авиакорпус приобрел заслуженную повсеместную славу. В ожесточенных боях личный состав проявил железную воинскую дисциплину, высокое воинское мастерство, отвагу и героизм, нанеся противнику огромные потери в живой силе и технике. Правительство высоко оценило славные боевые подвиги корпуса – 5 февраля 1944 года, присвоив ему звание «Гвардейский». За самоотверженную боевую работу, высокое мастерство в управлении боевыми частями на поле боя, отличную выучку личного состава боевому мастерству, за правильную организацию взаимодействия с наземными войсками и проявленный им лично героизм, 24 февраля 1944 года гвардии генерал-лейтенанту авиации Рязанову присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

С июля месяца 1944 года гвардейский авиакорпус ведет боевую работу в составе 1-го Украинского фронта. С первого дня пребывания на 1-м Украинском фронте авиакорпус под командованием Героя Советского Союза Гвардии генерал-лейтенанта Рязанова начал свои действия по прорыву глубоко эшелонированной долговременной обороны немцев на Львовском направлении, по ликвидации окруженной группировки противника в районе Сасов, Белый Камень, Ольшаница, Золочев, в борьбе за Львов и ликвидацию окруженной группировки юго-восточнее Львова, до выхода наших частей на реку Висла, ее форсирование и расширение плацдарма на западном берегу р. Висла.

Кроме того, личный состав корпуса проявил отвагу и героизм по уничтожению окруженной группировки немцев северо-западнее Сандомира, отражению крупных контратак танков и пехоты противника и удержанию плацдарма на западном берегу р. Висла. При проведении операции по разгрому Ченстоховско-Радомской группировки немцев тов. Рязанов, благодаря умелому руководству по организации взаимодействия с войсками 52-й армии, 3-й гвардейской танковой армией и частично с 3-й гвардейской армией, личное руководство штурмовиками на поле боя, части корпуса оказали эффективную помощь наземным войскам в овладении городами: Шиндзюв, Стопница, Хмельник, Енджиуов, Радомек, Ченстохов и Кельци. В январскую операцию частями корпуса произведено 2101 успешный боевой вылет, с налетом 1985 часов. В результате которых уничтожено и повреждено: танков – 12, автомашин с войсками и грузами – 343, бронетранспортеров – 13, ж.д. вагонов – 364, повозок с грузами и боеприпасами – 160, орудий разных – 20, ж.д. цистерн – 7, создано очагов пожара – 86, солдат и офицеров около 1140 чел., и много другой техники и вооружений. Проведено 49 воздушных боев, в которых сбито 21 самолет противника, свои потери в период этой операции 29 самолетов. Летный состав корпуса, воспитанный генералом Рязановым, показал образцы мужества, отваги

и героизма в борьбе с врагами нашей Родины, летная работа проводилась в исключительно сложных метеорологических условиях, но, несмотря на сложные метеорологические условия, на всем протяжении проведенной операции, корпус боевую работу не прекращал. Лично сам генерал Рязанов все время находится на переднем крае линии фронта, где организует взаимодействие с наземными частями и управляет боевыми действиями авиации на поле боя. Благодаря такому способу управления, все удары истребителей исключительно эффективны и заслуженно вызывают восторг и благодарность наземных войск.

За самоотверженную боевую работу, отличное управление боевыми частями в период завоевания плацдарма на западном берегу реки Висла и разгрома Ченстоховско-Радомской группировки немцев и проявленные при этом мужество, отвагу и героизм Гвардии генерал-лейтенант Рязанов достоин высшей правительственной награды – звания «Дважды Герой Советского Союза».

И. С. Конев, выступая 4 июня 1945 года после вручения орденов Суворова 1-му гшак и 9-й гшад, произнес такую речь: «Товарищи летчики, гвардейцы истребители! Поздравляю Вас с высокой правительственной наградой — орденом Суворова II степени. Поздравляю 1-й гвардейский истребительный Кировоградский Краснознаменный корпус и 9-ю гвардейскую истребительную авиационную Красноградскую Краснознаменную дивизию. Вы заслуженно получили награду в боях за нашу Родину. Одновременно поздравляю всех офицеров, летчиков, орденосцев, присутствующих здесь, с победой над фашистской Германией! Товарищи истребители, Красная Армия разбила немецко-фашистские вооруженные силы и заставила Германию безоговорочно капитулировать. Красная Армия вынесла на своих плечах основное бремя войны. В этих ожесточенных боях 1-й гвардейский истребительный Кировоградский Краснознаменный корпус был в числе лучших частей 1-го и 2-го Украинских фронтов, уничтожая немецкие войска и их технику. Истребители-гвардейцы корпуса высоко и с честью несли свое гвардейское знамя, отважно дрались на поле боя и не раз своими меткими ударами обращали противника в бегство. Ваш славный 1-й гвардейский истребительный Кировоградский Краснознаменный корпус я знаю еще со 2-го Украинского фронта, которым тогда я командовал. В боях под Белгородом и Харьковом, за освобождение Украины, в битвах за Львов, на территории Чехословакии, Польши и Германии вы с честью выполняли все возложенные на вас задачи, исключительно честно и своевременно выполняли все приказы командования и во многом помогли Родине в деле разгрома врага. Ваш корпус по праву завоевал первое место в авиации фронта. Товарищи летчики, я имел честь вручать вашему корпусу орден „Красное Знамя“. Тогда я сказал, что летчики—истребители 1-го гвардейского истребительного корпуса будут первыми над Берлином. Вы оправдали это доверие и действительно первыми были над Берлином. Вы блестяще провели последнюю операцию по окончательному разгрому фашистских войск. Я надеюсь, что вы на мирном поприще, находясь вдали от Родины, и впредь высоко и с честью понесете свое гвардейское знамя на новые подвиги, на благо нашей любимой Родины. Да здравствуют летчики-истребители! Да здравствует победоносная Красная Армия, ее организатор и руководитель Маршал Победы товарищ Сталин!».

И. С. Коневу летчики Рязанова, видимо, хорошо помогли в реализации его полководческих планов. Конев ценил и любил их, называл в своих воспоминаниях лучшими истребителями второй мировой войны. Он отдавал приказы награждать их, по его приказам, например, звания Героев Советского Союза получили Луганский и Матиков (хотя они и так получили бы эти звания, несколько позже), Луганскому Конев подарил автомобиль.

Командир 1-го гшак в ответ сказал: «Товарищ Маршал Советского Союза! На мою долю выпала великая честь в третий раз получить от Вас, как представителя нашего правительства, высокие награды корпусу. Как до сих пор, в дни напряженных боев, мы высоко и с честью несли свое гвардейское знамя, украшенное двумя орденами, так и в дальнейшем на любом

участке, куда нас поставят, при решении любой задачи, мы так же высоко и с честью будем нести это гвардейское знамя, особенно помня о том, что здесь, вдали от Родины, мы представляем эту Родину, ее силу, ее мощь. Так же, как под этим знаменем мы решали боевые задачи, так же будем с упорством решать учебные задачи по повышению боевого мастерства молодого пополнения, по изучению и распространению богатейшего боевого опыта, накопленного за время войны. Да здравствует наша могучая Красная Армия! Да здравствует наша любимая Родина! Да здравствует наш дорогой маршал, приведший нас к победе – товарищ Сталин!»

Вот адъютант маршала берет припасенное шило, дырявит им мундир Рязанова у сердца, и маршал еще одну «Золотую звезду» прикалывает к кителю командира корпуса. Через шесть лет чья-то невидимая рука проткнет сердце Василия Георгиевича. У Рязанова на фотографии отрешенное лицо. К наградам тоже надо привыкать. Сперва он даже слегка удивлялся им, не считая себя особо заслуженным. Для него труд – образ жизни, и как-то незаметно приходят достижения. *«Во время войны быть Героем значило не на митингах выступать, а в самое пекло лезть»*, – говорил ГСС В. В. Титович. Но нес награды Рязанов достойно. Если уже командование и Родина отметили и наградили, то эти знаки отличия достояние общества, государства, отчизны, возможно, больше, чем его. Меньше всего он хотел бы меряться с кем-то заслугами, достижениями. Да ему и не пришлось этого делать. При жизни его уважали, а после смерти не забыли совсем, – и на том спасибо. Видимо, в конце жизни он больше внешних атрибутов – наград, должностей, почестей и славы – ценил нечто сокровенное, скрытое, невыразимое, но абсолютное, вечное. Думал, может быть, тогда Василий Георгиевич и о превратностях судьбы, о тонкой грани, отделяющей объявление тебя преступником, и почестями. Еще хорошо помнились тюремные годы, лет 6—7 всего тому. Хотя столько событий с тех пор, вся война, перенасыщенная эмоциями, что многое из того и стерлось из памяти.

Среди поздравлений есть телеграмма с подписями Шундрикова, Караванова, Володина, Копылова: *«Наш горячо любимый и глубоко уважаемый командир...»*, заканчивающаяся так: *«Пусть множится громкая слава 1-го Гв. ШАККОСК (Кировоградского краснознаменного ордена Суворова корпуса (В.Р.)), беззаветно борющегося с врагом Родины германским фашизмом под Вашим командованием. Желаем Вам еще многих лет здоровья и сил. Благодарим за науку воевать и побеждать врага»*. Жадов написал: *Сердечно поздравляю Вас, дорогой Василий Георгиевич, с присвоением звания дважды Героя Советского Союза. Желаю здоровья и отличных успехов на благо нашей Родины. Обнимаю и жму руку*. Поздравления от Рыбалко и Бахметьева: *«Горячо поздравляю..., от души желаю...»*. *«Много славных страниц в историю Отечественной войны вписал корпус под Вашим командованием»*, – написано в другом послании. Утин и его сослуживцы написали: *радуемся Вашим успехам. От всего сердца желаем больших радостей в работе и в жизни*. Пространная телеграмма от Конева. *Живите и здравствуйте долгие годы на страхе врагам и на радость нашей свободной и великой Отчизны*, – подписались 10 человек (Компаниец, Столяров, Андрианов, Михайличенко, Чечелашвили и другие). Генерал Пронин: *«От всей души желаю Вам здоровья и счастья в личной жизни и дальнейших успехов в укреплении нашего сталинского воздушного флота»*. Такого рода телеграмм сохранились десятки. Например, от Чернецова, Котлярова, Одинцова, от Баранчука, Кутихина, Виноградова (*«...ежедневно наносимые противнику поражения с воздуха вселяют страх фрицам, гансам...»*), от Яковицкого, Афанасьева, Мельникова, Киртока, Овчинникова, Шевчука, Корниенко, Шутга, Рымшина, Матикова, Уртаева, Елисеева, Носкова, Рогожина, Рыбакова, Драченко, и многих других. Или от «СМЕРША»: *успехов в Вашей плодотворной работе на благо нашей Родины, во славу Советского оружия*. Из Управления корпуса писали: *«...Корпус под Вашим руководством в тяжелых боях с врагом завоевал славу и боевой авторитет среди наземных войск фронтов и в составе Военно-Воздушных сил...»*.

Конев вручил начальнику штаба соединения генерал-майору авиации А. А. Парвову орден Ленина, а С. А. Донченко – орден Суворова 2-й степени. Генерал-полковник бронетанковых войск Катукоев через пару дней специально приехал к Рязанову поздравить его с наградой. По этому поводу организовали банкет. Рязанов был знаком с Катукоевым еще с 41-го года, когда они оба были полковниками в 5-й армии. Оба были в боях под г. Белый и Великие Луки. Сдружились же они в горячие дни сражения под Курском, когда Илы Рязанова, сами погибая, прикрывали танки Катукоева. Тогда, ночью 6 июля 1943-го, Катукоеву звонил Сталин, спрашивал его мнение о контрударе, предложенном Ватутиным. А в первой половине дня 6 июля немцы ворвались в Яковлево. 1-я танковая армия несла большие потери. Противник расстреливал наши машины с дальних дистанций. Пушки тридцатичетверок не доставали вражеские танки. После этих событий на танки ставились более мощные пушки. Катукоев очень хорошо помнил, как его армия таяла на глазах. Но штурмовики 1-го шак, несмотря на очень сильное противодействие в воздухе, отсекали немецкие танки. Мессершмитты сбивали Илы. В районе Ольховки четыре мессершмитта выполнили 11 атак на шестерку Ил-2 800-го шап. А 4 Vf110 сбили 2 Ил-2 820-го шап; еще один был тяжело поврежден и совершил вынужденную посадку. Наши летчики сражались храбро. Группа, ведомая капитаном Лавриненко, в 13.07 юго-западнее Яковлево атаковала группу самолетов противника из 8 юнкерсов и 9 мессеров. Сбили 3 вражеских самолета, потеряв одного воздушного стрелка. 12 машин потерял корпус в этот день. Когда о потерях доложили Рязанову, он приказал усилить наряд истребителей прикрытия, но штурмовикам под Яковлево приказ прежний: отсекать танки противника. И отсекали, спасли 1-ю танковую армию. После этого Катукоев настоял, чтобы Ватутин предоставил ему право вызывать авиацию не через воздушную армию, а связываясь напрямую с 1-м шак, с аэродромами. Когда же 7 июля противник начал выдвигать 300—350 танков для атаки позиций нашего 3-го мехкорпуса, пытаясь частями своей 4-й танковой армии прорвать оборону на флангах и окружить танки Катукоева южнее Обояни, два мощных удара выполнили 46 и 33 Ил-2 1-го шак, не дав сомкнуть кольцо вокруг 1-й ТА. А у противника в этот день в воздухе было почти в три раза больше самолетов, чем у нас. Истребители 203-й иад 1-го шак, сопровождавшие Илы, сбили 10 бомбардировщиков противника. Потом Рязанов и Катукоев сражались вместе на Сандомирском плацдарме и в других операциях. Бои были тяжелыми.

С. А. Донченко писал: *«Мы искренне радовались такой высокой оценке труда нашего любимого командира, который провел корпус по многотрудным дорогам войны со дня его формирования и не покидал его ни на один день.»*

Лично для меня коммунист Рязанов был эталоном во всех отношениях, истинным новатором, первопроходцем, как по складу своего характера, так и по своим делам. Ему было присуще довольно редкое сочетание беззаветного мужества, почти безоглядной храбрости с железной самодисциплиной, требованием строжайшего порядка от подчиненных и преданность делу, которому он посвятил всю свою жизнь.

После войны генерал В. Г. Рязанов командовал авиацией Киевского военного округа, был кандидатом в члены ЦК Компартии Украины, избирался депутатом Верховного Совета УССР. Василий Георгиевич умер сравнительно молодым, на пятьдесят первом году жизни. Сказалось все — и те тяжелые дни, которые довелось пережить по навету недоброжелателей, и, конечно, война, оставившая не один рубец на его сердце.

На родине дважды Героя Советского Союза В. Г. Рязанова в поселке Большое Козино Горьковской области установлен бронзовый бюст, создан музей. Имя генерала Рязанова носит школа и пионерский отряд города Киева».

Сейчас нет школы и пионерского отряда имени Рязанова в Киеве. А школы имени Рязанова в Киеве, как выяснилось, и не было. Точнее, была такая школа, у меня есть фотография таблички с номером школы и именем Рязанова. Это именно присвоение в школе отмечалось. Но не утвердили, не знаю, почему, кто и как. Поэт Антон Железный пишет: *«...растает, ста-*

нет книжным глянцем дым баталий». Пусть среди книжного глянца, который может оказаться долговечнее памятников, будут и эти строки.

Рязанов с гвардейским знаменем направляется на левый фланг, проносит знамя перед строем, подает команду «К торжественному маршу!» Во главе парада подходят к трибуне комкор, его замполит и начштаба. За ними идет взвод управления. Звучит ответное «Ура!» на приветствие маршала И. С. Конева. Проходят гвардейцы летчики-истребители 12-й гиад, штурмовики 9-й гшад, идут славные полки.

Потом состоялся вечер, посвященный вручению орденов. На столе, заставленном закусками и разносолами, бутылки с немецкими винами, советским шампанским, еще какие-то бутылки. За спинами официантки. Как Герцен писал в «Былое и думы» об окончании войны 1812 года: «...теперь хотелось попить на радостях победы». Помянули погибших. Затем Конев произнес тост о летчиках-героях и командире корпуса: *«Товарищи, я предлагаю поднять тост за наших летчиков-героев 1-го гвардейского штурмового авиационного Кировоградского краснознаменного корпуса! За командира корпуса дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Рязанова! Товарищи! Работая с вами около двух лет, могу сказать, что вы славно поработали, ведя все время напряженную боевую работу. Корпус неустанно совершенствовался в летном мастерстве. Ваш командир корпуса не мирился с застоем и рутинной, он был новатором и первым инициатором в деле взаимодействия с наземными войсками. Ваш корпус первым осуществил нацеливание и управление своими боевыми группами по радио с НП наземного командарма. Не было случая, чтобы группы штурмовиков вашего корпуса уходили с поля боя, не выполнив боевой задачи. Штурмовики корпуса отлично справились на поле боя с выполнением боевых задач и содействовали этим самым успешному продвижению пехоты. Я, как командующий фронтом, ни разу не имел ни одной жалобы от командующих армий, командиров корпусов и дивизий, с которыми вы взаимодействовали. Я имел от них по вашему адресу только восторженные отзывы. В этом большая заслуга лично вашего командира дважды Героя Советского Союза генерала Рязанова. Это он первый осуществил в авиации управление боевыми группами непосредственно с переднего края наземных войск, с которыми он взаимодействовал. Ваш командир корпуса, зачастую рискуя своей жизнью, находясь под пулеметным, артиллерийским и минометным огнем, непрерывно руководил боевыми группами штурмовиков, наводил их на цель и в нужных случаях перенацеливал. В вашем корпусе радио стало жизненно необходимым делом, и вполне естественно, что корпус, будучи лучшим корпусом в составе 2-й воздушной армии, всегда посылался на самые ответственные участки фронта. Вспомните, когда враг пытался прорваться на Москву через Белгородско-Курскую дугу, бои за Харьков, за Днепровский плацдарм, где при форсировании р. Днепр сложилась чрезвычайно критическая обстановка и генерал-полковник Шумилов, который захватил плацдарм на правом берегу р. Днепр, встретил яростное сопротивление противника, пытавшегося сбросить наши войска с плацдарма. Обстановка тогда здесь была исключительно тяжелая. Войска генерал-полковника Шумилова по существу руками держались за правый берег, а ногами находились на Днепре. В этой обстановке решающую роль сыграли летчики 1-го штурмового Кировоградского корпуса, которые обеспечили своими сокрушительными ударами удержание и дальнейшее расширение плацдарма на правом берегу р. Днепр. В боях за форсирование реки Прут, в Львовской операции, Висленский плацдарм, Сандомирская операция, река Нейсе, летчики 1-го штурмового Кировоградского корпуса всегда были в первых рядах по разгрому и уничтожению врага. Вспомните, товарищи, когда уже в составе 1-го Украинского фронта, за блестящую работу, проведенную вами в предыдущих операциях, я вручал вашему корпусу орден Красного Знамени, тогда я сказал, что штурмовики корпуса будут первыми штурмовать Берлин. Вы мою надежду оправдали и своими славными делами, своей отличной штурмовкой объектов города Берлина во многом помогли наземным войскам сокрушить врага и овладеть логовом фашизма — Берлином. За наших летчиков-героев 1-го гвардейского штур-*

мового Кировоградского корпуса! За командира корпуса дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Рязанова! Ура, товарищи!»

Затем Конев предложил еще один тост и сказал: *«Отмечая работу летчиков штурмовиков и истребителей вашего корпуса, мы не можем не отметить работу органов управления. Я особенно отмечаю хорошую работу по управлению боевыми группами над полем боя по радио. Использование радио в 1-м гвардейском штурмовом корпусе можно поставить в пример остальным по четкости и организованности. Я могу прямо заявить, что такой четкой постановки этого участка управления нет ни в одной из наземных армий. Отличное управление группами на поле боя, хорошая организация взаимодействия с наземными армиями, своевременный подход на поле боя боевых групп надо отнести к заслугам авиационных штабов»*. Эти речи помещены в самодельном альбоме о вручении 1-му гшак ордена Суворова. К. А. Белодед рассказывал, как на следующий день работники штаба сидели все вместе в штабе и вспоминали эти речи Конева, каждое их слово. Выступавший затем С. А. Красовский сказал: *«Товарищи! Ваш корпус на всем протяжении его боевой работы показал себя крепко сколоченной, организованной единицей. Ваши летчики своей смелостью, отвагой и дерзостью на поле боя всегда воодушевляли наземные войска. Я должен прямо сказать, что 1-й гвардейский штурмовой авиационный корпус является не только первым во второй воздушной армии, но и лучшим корпусом в ВВС Красной Армии. Там, где складывалась напряженная обстановка, туда мы посылали ваш корпус и были уверены, что какую бы трудность не представляла поставленная для вас боевая задача, вы ее выполните. Мне вспоминаются оборонительные бои под Белгородом в июле 1943 г. Величайшей заслугой ваших летчиков тогда было, что они отдавали все свои силы, свою жизнь, чтобы разбить брошенные против нас сотни танков врага, и ими эта задача была решена хорошо. Значение ее для последующего наступления войск нашего фронта вам известно. Или взять Сандомирский плацдарм. Враг поставил своей задачей — сбросить наши войска на восточный берег Вислы. Он бросил против нас 6 танковых дивизий и отборные пехотные части на участке 5-й и 13-й армий. Создалась исключительно напряженная обстановка. Надо было отстоять плацдарм, поддержать наши наземные войска. Ясно, что мы не могли доверить этот важнейший участок боевой работы какому-либо другому корпусу кроме вашего. Вы с присущей вам страстью и энергией взялись и решили эту задачу, создав тем самым условия для успешного наступления войск фронта зимой. Много и хорошо поработал корпус в Карпатах, когда нужно было пропустить войска чехословацкого корпуса на территорию дружественной нам Чехословакии. Слаженно и эффективно работал корпус в последних операциях и особенно в Берлинской. Ваш корпус за время войны накопил большой боевой опыт, имеет значительные кадры, и сейчас перед вами стоит задача изучать этот опыт, сделать его достоянием всех наших частей. Надо еще больше совершенствовать свои знания, умело передавать все, что есть лучшего, прибывшему молодняку в полки корпуса, укреплять дисциплину. Я надеюсь, что эту задачу вы решите так же отлично, как решали и боевые задачи»*.

Из письма Рязанова на родину: *«4.6.45... Сегодня маршал Конев вручает орден моему соединению и вторую Золотую Звезду — мне... Несколько дней тому назад прибыл в один полк служить лейтенант — Баранов. Мальчик, 20 лет. Земляк и даже сосед — с одной улицы...»*. Я через 56 лет, в 2001 году, встретил бывшего лейтенанта Баранова на празднике улицы генерала Рязанова, на которой они оба раньше, когда улица называлась Рассадницкая, жили. В 2001 году он был уже полковником в отставке.

Из письма земляков-большекозинцев: *«Дорогой Василий Георгиевич! Мы, твои земляки, друзья и товарищи, шлем тебе сердечный привет и поздравления с высокой наградой — второй медалью „Золотая Звезда“... С вниманием следили мы за боевыми действиями твоего соединения. И каждое упоминание твоего имени в приказах Верховного Главнокомандующего наполняло наши сердца гордостью. Приглашаем тебя, родной, в Большое Козино. Нам хочется*

послушать твои рассказы о славных делах соколов-летчиков и рассказать тебе, чем каждый из нас помогал фронту в разгроме врага. Желаем тебе сил и здоровья. С нетерпением ждем в родном поселке...».

У меня сохранилась фотокопия грамоты (сама грамота где-то затерялась), врученной маме, наверное, в числе других бойцов корпуса, в июле 1945 г. Красивая виньетка с перекрещенными ружьями, профилем Сталина, знаменами, орденами, кремлевской стеной, звездами Героя, самолетами и надписями: «За нашу Советскую Родину», «Наше дело правое – мы победили». В тексте говорится: *«Великая Отечественная война Советского Союза победоносно завершена. Красная армия под руководством своего генералиссимуса великого Сталина одержала над врагом великую историческую победу. Вы, прославленный воин-гвардеец, приложили немало труда, чтобы достичь полной победы над врагом. Родина, наш великий Сталин, высоко оценили боевые дела соединения, в котором Вы служили. За отличные боевые действия 56 благодарностей Верховного Главнокомандующего товарища Сталина получило наше соединение, а в том числе и Вы. В этих благодарностях великого Сталина отражен победный и славный путь гвардейского соединения. Слава соединения — это также Ваша слава. Велика честь быть воином такого прославленного соединения. За самоотверженный труд и боевые дела, проявленные в Великой Отечественной войне за период пребывания в соединении, объявляю Вам благодарность и награждаю грамотой. Выражаю уверенность, что Вы высокое и прославленное звание гвардейца будете носить с гордостью и оправдаете его с честью. Будьте героем труда. Будьте всегда на страже интересов нашей социалистической Родины. Крепите связь со своими сослуживцами».*

Подписана грамота командиром корпуса. Наказы не забывать о прославленном соединении я и выполняю. *«Для каждого воевавшего человека годы, проведенные на фронте, — это ни с чем не сравнимый период жизни. После войны я занимал различные командные должности в ВВС и ПВО, но во все времена был горд и счастлив тем, что в Великую Отечественную мне довелось командовать прекрасными, беззаветно преданными своей Родине людьми, мужественными, неустрашимыми воздушными бойцами»*, – писал маршал авиации Г. В. Зимин. С ним был единомышлен и Рязанов.

«Задача непрерывной поддержки наземных войск успешно решалась прежде всего штурмовой авиацией. Летчики-штурмовики всегда были готовы помочь товарищам по оружию. В ходе ожесточенных боев закалилась и окрепла боевая дружба штурмовиков, танкистов, пехотинцев и артиллеристов. Это они, труженики войны, в горниле невиданных сражений на земле и в воздухе создали искусство огневого взаимодействия в бою и операции. К 1944 году это искусство достигло наивысшего развития. Весь победоносный сорок четвертый полон примерами блестящих действий наших штурмовых корпусов, дивизий и полков. Авиационные командиры и штабы, организуя взаимодействие с наземными войсками, обеспечивали успешное решение задач авиационной поддержки войск с воздуха.

Неувядаемой славой покрыли себя летчики прославленных 1-го гвардейского штурмового авиационного корпуса (командир – дважды Герой Советского Союза, гвардии генерал-лейтенант авиации В. Рязанов), 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии (командир – Герой Советского Союза гвардии полковник, ныне генерал-лейтенант авиации С. Прутков). В основе их боевого успеха всегда лежали образцово налаженное взаимодействие с наземными войсками, бесстрашие и мужество, высокое воинское мастерство летчиков», – писал генерал Остроумов. Вскоре 1-я гвардейская штурмовая авиационная дивизия была включена в состав 1-го гвардейского штурмового авиационного корпуса и стала подчиняться Рязанову.

«Вот так и вошли в историю Государства Российского 144-й гвардейский штурмовой авиационный Львовский орденов Богдана Хмельницкого и Александра Невского полк, 9-я гвардейская штурмовая авиационная Красноградская Краснознаменная ордена Суворова дивизия, 1-й гвардейский штурмовой авиационный Краснознаменный ордена Суворова корпус. Пусть

будет им вечная слава!», – заканчивает свои воспоминания А. И. Митрофанов. В предчувствии расставания обменивались фотографиями на память, так их и подписывали: посмотришь, вспомнишь. У мамы сохранилось с десяток, наверное, таких снимков. Есть и фотография Василия Георгиевича. На обороте фотографии, сделанной, наверное, в Гросс-Решене в Германии, надпись: *«Вот, Иринюшка, и отвоевали, и победили. А ты говоришь...6.7.45. В. Рязанов»*. На обороте другого снимка написано: *«Иринок! Помни и люби всю жизнь. 6.7.45. В. Рязанов»*. Это исполнилось: мама любила отца шесть лет оставшейся ему жизни и еще пятьдесят пять лет после его смерти, до конца своей жизни. Есть и мамино фото с надписью отцу.

Бои на Юго-Западном, Калининском и Северо-Западном фронтах, Курская битва, освобождение Белгорода, Харьковская операция, наступление через всю Левобережную Украину, освобождение Полтавы, Кременчуга, форсирование Днепра с выходом в район Криворожья, освобождение Кировограда, окружение неприятеля уже за Днестром в районе Корсунь-Шевченковский, форсирование Южного Буга, Днестра, Прута и первый выход войск за государственную границу, перенесение войны на землю врага, новый котел, устроенный противнику в районе Брод, Львовская операция, выход на Вислу, занятие и удержание Сандомирского плацдарма, послужившего впоследствии одной из отправных точек для удара по Германии, мощный рывок через всю Польшу за Одер, охват Верхней Силезии и выход в Саксонию, гигантская операция, окончившаяся окружением и взятием Берлина, и наконец, освобождение Праги – во всем этом 1-й гшак и Рязанов активно участвовали. И не просто участвовали. Рязанов изучал и знал состояние противника, тщательно готовил свои войска и ресурсы. Корпус по его приказам наносил массированные удары всеми средствами штурмовиков и истребителей при прорыве вражеской обороны. Бои в воздухе были оперативно-тактически продуманными. Стремительность маневра сочеталась с неожиданностью избранных направлений удара, с широтой и тщательностью отработки тактических деталей. Рязанов работал с командирами танкистов, пехотинцев, других наземных войск. Их совместные удары вели к победам.

Был Рязанов и на историческом параде Победы. Хотя до конца я не уверен. Каманин мог ошибиться. Впрочем, это и не так важно в сравнении с боевыми делами. Каманин вспоминал, как на приеме в честь участников парада он встретился с Громовым, Красовским, Рязановым, Степичевым, Подгорным и другими товарищами. Выступил Сталин.

В. М. Шевчук, выступая на встрече ветеранов корпуса, сказал: *«Ил-2 оказался лучшим и в наступательных и в оборонительных операциях, добиваясь высоких результатов в борьбе с танками и подавлении разного рода узких и точечных целей.... Двадцать четыре раза упоминалась фамилия нашего командира корпуса в приказах Верховного Главнокомандующего, нам 35 раз салтовала Москва.... А задача корпуса была сложной – не только прикрывать с воздуха силами истребительной дивизии наземные войска, а в первую очередь обеспечивать их боевые действия двумя дивизиями штурмовиков, помогать пробивать оборону противника, преследовать его, уничтожать подходящие резервы, парализовать систему управления. Слова маршала Конева только одно из многочисленных высказываний видных советских военачальников о генерале Рязанове, как об умелом организаторе боевой работы авиации, ее взаимодействия с наземными, особенно с танковыми войсками в сложных условиях боевой наземной и воздушной обстановки.... Мы, авиаторы корпуса, гордились тем, что воевали под руководством замечательного генерала, настоящего коммуниста, грамотного, энергичного, смелого командира. Генерал Рязанов всегда был там, где шли бои, где больше всего необходима помощь его летчиков. И любые задачи, которые ставились корпусу, выполнялись со знанием дела, с учетом обстановки, несмотря ни на какие сложности. Под Корсунь-Шевченковским, на Днепре, в Молдавии, ... в боях за Сандомирский плацдарм, на заключительном этапе войны – везде штурмовые и истребительные полки дивизий Рязанова добивались успеха, заслуживали самой высокой оценки общевойсковых командиров»*. Какой в доме хозяин, такой в нем и порядок. В последнем интервью покойный патриарх Алексей II говорил, что самое сложное – стоять

во главе чего-то, любой организации. Приходится брать на себя ответственность. Бегельдинов вспоминал, как трудно было подыскивать ведущих, хотя ведущим достается и слава, и награды вплоть до звания Героя. Но очень многие привыкли отвечать только за себя, и не хотели принимать на себя ответственность за других.

Генералы были суровы к своим подчиненным, но и сами показывали образцы выдержки, умения, мужества, героизма. Генерал на фронте был для солдат и царем и богом. Повиновение их приказам, вера в то, что они всемогущи и справедливы, были безграничными. Надо было обладать действительно незаурядными человеческими качествами для оправдания таких авансов. Положение же самих генералов, несущих несравненно более тяжелую ответственность, чем рядовые и младшие офицеры, за каждое свое решение отвечающих головой, было нелегким. Помимо сурового начальства и суда военного трибунала (так, комкор Е. Я. Савицкий вспоминал о словах маршала Василевского в его адрес: *«Милый мой Евгений Яковлевич, если вы не выполните эту задачу и переправы окажутся разрушены, вы будете преданы суду военного трибунала»*), каждый был в ответе перед своей совестью, перед жизнями солдат, перед Родиной, которую защищал, и, в конечном счете, перед историей. Он не имел права не только на ошибку, но и на слабость, он всегда должен был служить примером другим, образцом для подражания. Мальчишки, мечтающие о генеральской славе, наверняка не представляют и малой доли тягот и трудностей, выпадающих на плечи с золочеными погонами. Они могли идти в атаку, как солдаты, отстреливаться и самим водить самолеты, что и происходило. Но такие эпизоды были отдыхом для них, передышкой и отдушиной в поистине каторжном труде. Их крест был тяжелее. Они не принадлежали себе. Воля, ставшая образцом силы и крепости, символом нестигаемости и стойкости, была направлена не на самоутверждение, стремление к власти или славе. Стимулом мышления, выполняющего гигантскую по своей напряженности работу в сжатые до предела сроки, была не благодарность потомства или почести, не абстрактное стремление к истине. Все без остатка отдавалось работе войны, конкретной задаче победить врага, сломить его сопротивление, переиграть, лучше обдумать и провести операцию. Не было выбора, компромисс был невозможен. Только победа. Иначе поражение, позор, смерть...

Еще одна цитата – из книги М. Н. Кожевникова «Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне в 1941—1945 г.г.» Наука, М., 1977, с.246. *«Василий Георгиевич Рязанов в годы Великой Отечественной войны командовал 1-м гвардейским истребительным авиационным корпусом. Корпус прославился во время войны своими точными, мощными бомбо-истребительными ударами по врагу. Летчики корпуса за время войны совершили 58270 боевых вылетов. В. Г. Рязанов одним из первых организовал управление боевыми действиями истребительной авиации с передового командного пункта общевойсковой и танковой армий, то-есть применил новый способ управления над полем боя. В корпусе было 103 Героя Советского Союза и 7 — дважды Героев Советского Союза. За выдающиеся боевые заслуги перед Родиной Генералу В. Г. Рязанову 22 февраля 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза, а 18 июня 1945 г. он был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Война для специалиста вещь несложная. Почти все комкором делалось при помощи трех толстых цветных карандашей. Вся работа проводилась в уме. Но сколько воли, нервов, душевных сил требовалось для этого. Генерал С. А. Донченко в своей книге «Флагман истребительной авиации» спрашивает: «А кто такой генерал Рязанов? За что ему такой почет?», отвечая на этот вопрос. Если попытаться ответить кратко, то можно сказать: за силу духа, его мужество и величие, проявленные в сложных боевых условиях, за стойкость, волю и выдержку. «Полководец — это ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость», — Сунь Цзы.*

К корпусу, как и ко многим другим славным частям и соединениям, по праву можно отнести слова Верховного Главнокомандующего из его приказа №51 от 19 августа 1945 года: *«Славные соколы нашей Отчизны в ожесточенном воздушном сражении разгромили хвале-*

ную немецкую авиацию, чем и обеспечили свободные действия для Красной Армии.... Вместе со всей Красной Армией они наносили сокрушающие удары по врагу, уничтожая его живую силу и технику.... В боях за свободу и независимость нашего Отечества советские летчики дали немало примеров беззаветной стойкости, отваги и подлинного героизма. Они вписали много ярких страниц в историю Великой Отечественной войны. Советский народ, народ-победитель, законно гордится боевой славой своих летчиков». На смену отдавшим свои жизни в военные годы 503 летчикам и 508 воздушным стрелкам в корпусе было подготовлено 714 летчиков и 681 стрелок. За Львовскую операцию корпус получил орден Красного Знамени. Орден Суворова – за Радомирско-Ченстоховскую и орден Кутузова за Берлинскую и Пражскую операции. Почетные звания Полтавская, Красноградская и Знаменская были присвоены дивизиям корпуса еще в 43-м. Сам корпус стал Кировоградско-Берлинским. «Неувядаемой славой покрыли себя летчики 1-го гшак (командир... В. Г. Рязанов) ... В основе их боевого успеха всегда лежали образцово налаженное взаимодействие с наземными войсками, бесстрашие и мужество, высокое воинское мастерство летчиков», – писал Н. Н. Остроумов. В книге «Освобождение городов» (Воениздат, 1985) фамилия Рязанова упомянута 12 раз, больше многих других, хотя есть там фамилии и с более высокими цифрами. Белгород, Кировоград, Корсунь-Шевченковский, Красноград, Львов, Новоукраинка, Умань, Берлин, Бреслау, Гинденбург (Забже), Глогау (Глогув), Семяновиц (Семяновице-Слёнске) – эти города разных стран. Почти полностью выбитый 143-й полк пополнялся на фронте, без отхода в тыл. Потеряно 928 своих самолетов. На одного погибшего летчика получается в среднем 116 самолетовылетов. Многие рядовые летчики выросли в генералов. Кто-то, оставив военную службу, стал ученым, кто-то – государственным деятелем.

Первый замполит корпуса (тогда еще комиссар) Иван Семенович Беляков в своем письме пытается найти причины успешных боевых действий корпуса, истоки его побед. «Наш иттурмовой авиакорпус был воистину героическим не только по своему названию, но главным образом по своим делам. Если бы задать вопрос, в чем причина этому, то можно было бы кратко ответить так. Героизму корпуса способствовали: 1) молодость летного состава, отличная его подготовка и знание материальной части; 2) личный пример лётчикам со стороны командиров всех степеней, 3) дружная работа руководства корпуса: командир, начальник штаба, заместитель командира — начальник политотдела. Помимо официальных встреч они ежедневно общались за приемом пищи, обменивались информацией между собой, уточнялся ряд вопросов о положении дел в корпусе».

И.С.Беляков писал: «Итак, я подхожу к концу своего небольшого воспоминания о прославленном в боях Великой Отечественной войны 1-м иттурмовом авиационном корпусе, получившем звание „гвардейский Краснознаменный“ с собственным наименованием „Кировоградский, Берлинский“. До конца войны я с ним не дошел, но в памяти моей даже этот отрезок времени (с 1942 г. по август 1944 (В.Р.)) остался мне родным, волнующим мое сердце и ум... Наконец, хотел бы сказать следующее. После войны, а частично и до нее мне пришлось работать вместе с некоторыми крупными военачальниками: Громадин, Голованов, Жигарев, Мерецков, Колпакчи и др., но никогда не было таких взаимных чувств друг к другу, уважения, такой дружной работы, как с Василием Георгиевичем. До конца моей жизни он остается в моем сердце».

Думается, последнюю фразу могли бы совершенно искренне сказать подавляющее большинство бывших воинов корпуса. Самые лучшие воспоминания, самые яркие впечатления, ощущения встречи с сильным и светлым, то, что уже при подведении итогов, при оценке всей жизни вспоминается, как значительное, в чем ищется утешение и опора, связано у них с образом В. Г. Рязанова. С. А. Донченко писал: «...вспоминать о боевых действиях 9-й гшад в Великой Отечественной войне вне связи с 1-м ГШАК это значит искусственно обеднить и дивизию, и корпус. 1-й ГШАК В. Г. Рязанова действительно был флагманом иттурмовой

авиации ВВС СА. Это был единый, и неразрывный организм, который разрывать невозможно. Он был цементирован единством цели, единством решения конкретных боевых задач в различных видах боя и операции. Он был подчинен единой структуре управления, которая всегда находилась в руках командира корпуса. Да, он рано ушел из жизни. Мы, ветераны корпуса, тоже тяжело переживали эту утрату. И каждый год 9-го мая, в день Победы, несем цветы на его могилу на Лукьяновское кладбище в г. Киеве, куда нескончаемым потоком несут цветы школьники и пионеры в знак признательности его заслуг перед Родиной и народом — дважды Героя Советского Союза гвардии генерал-лейтенанта авиации Василия Георгиевича Рязанова».

Вот что писал о фронтовом опыте в целом В. Г. Рязанов: «Корпус закончил войну, именуясь: 1-й гвардейский штурмовой авиационный Кировоградско-Берлинский Краснознаменный орденов Суворова и Кутузова корпус. Я, по совокупности за Сандомирскую и Берлинскую операции был награжден второй медалью «Золотая Звезда», получив звание дважды Героя Советского Союза.

В результате активного участия, как в перечисленных операциях, так и во многих других, мною приобретен значительный опыт в следующих областях: 1. Организация взаимодействия авиации с наземными войсками, в особенности, с подвижными соединениями (танки, механизированные войска), введенными в прорыв, и при действиях подвижных соединений в оперативной глубине, с учетом всех особенностей работы авиации в этих случаях: значимость авиационной разведки, аэродромный маневр и т. д. 2. Управление боевыми действиями авиации на поле боя: ясна как сама организация этого управления, из каких людей и средств должен состоять КП, когда один КП, когда несколько, какой из них главный, какой вспомогательный. 3. Массированные действия авиации: их преимущество, в каких случаях, как применять: сосредоточенно или эшелонированно. Организация массированных действий: взлет, сбор, полет к цели, построение боевых порядков и работа над целью, уход от цели, возвращение и посадка больших групп на аэродромах. 4. Действия по аэродромам противника, разведка аэродромов, выбор времени удара, организация взаимодействия при налете на аэродромы противника разных видов авиации: бомбардировщики, штурмовики, истребители. Конечно, было бы хорошо, если бы была возможность здесь этот опыт систематизировать, обменяться с другими. Тогда, может быть, можно было бы из этого опыта делать какие-то выводы. Для этого нужно иметь определенные условия, которых сейчас я не имею, так как по характеру работы, которую я сейчас веду, я не имею возможности сесть и разрабатывать все эти материалы. Приходится только в отдельных случаях, при обучении своих войск, иллюстрировать те или иные положения примерами, которые еще пока не улетучились из памяти. Командующий 14 воздушной армией гвардии генерал-лейтенант авиации /Рязанов/ 12 июля 1947 г.».

Немного дополню от себя. Первый и второй пункты – взаимодействие с наземными войсками и управление боевыми действиями авиации на поле боя – Рязанов объединял. Радиоуправление на поле боя в штурмовой авиации проводилось им совместно с объединением своего КП с КП наземных войск. Это существенно повышало оперативность. Успех операции определяется стремительностью маневра. Авиация повышает темпы движения, меняет его направление вызывает внезапность. Увеличить темпы работы авиации чрезвычайно важно. Это и достигалось совмещением КП и оперативным управлением. И сказывалось на эффективности и успешности всей операции. Как в управлении присутствовала иерархия: Рязанов управлял действиями летчика, управляющего самолетом, так и в повышении темпов, которыми достигалось важнейшее из преимуществ, необходимых для победы в сражении – быть сильнее в данной точке и в данный момент – Рязанов тоже строил иерархию: повышал те темпы, которыми обладала авиация, из-за скорости самолетов. Темпы темпов наращивались управлением и совмещением КП: то, что оказывалось в это время нужным танкистам или пехотинцам, делалось незамедлительно. Важной была синергетика: единство намерений и действий наземных и воздушных сил.

Рязанов командовал разведкой в финской войне. И все время Великой Отечественной уделял много внимания такой важной вещи, необходимой, как для авиации, так и для наземных войск. Стрелы на картах – это подтягивание резервов к точке прорыва для того, чтобы окружить и разгромить наступающие части. Пилоты-разведчики сверху видели общую картину: откуда и куда подтягиваются резервы, где уже сосредоточены танки, пехота и артиллерия. Они по радио докладывали Рязанову, он сообщал, например, Ротмистрову, и сам посылал группы штурмовиков для ударов по угрожающим участкам. Опять оперативно, своевременно, с выигрышем темпа и времени. Разведчик еще в воздухе, а к разведанному им району уже летят посланные Рязановым группы с нужным снаряжением для этого удара. Он растил, искал и воспитывал разведчиков, разрабатывал методы проведения разведок.

Взаимодействие штурмовиков с истребителями, еще в 42-м в МАГ Рязанов много над этим работал, затем плодотворно сотрудничал с Подгорным, Утиным, еще раньше с В. Сталиным, с бомбардировщиками – он сотрудничал и дружил с Полбиным, с танками, он много работал с Ротмистровым, Рыбалко, Лелюшенко, Катковым, они были очень довольны совместной работой, с артиллеристами, с конницей, с пехотинцами. Жадов, Рыбалко и другие командиры очень хвалили работу Рязанова и его летчиков. Конев уже после войны в своих мемуарах подтверждал такие положительные отзывы.

Тактика и оперативное искусство действий штурмовиков Ил-2, их боевое применение, снабжение, воспитание и обучение пилотов штурмовиков, активное применение авиации именно в той точке, где создавалось преимущество. Централизованное управление действиями корпуса, Рязанов многое замыкал на себя, создавая гибкость использования штурмовиков в нужном месте и в нужное время в условиях внезапной и быстро меняющейся обстановки. Было у него такое свойство мгновенной и верной реакции.

Смотришь сейчас военные фотографии и думаешь: были ведь и поколение победителей, и когорта победивших. Как Сталин сказал Рязанову в 1942-м: – Оправдайте доверие Родины. Кто оправдает – того Родина не забудет. И наградили оправдавших, не забыли. Кого-то, как Рязанова, двумя Звездами Героя, кого-то маршальскими званиями, кого-то еще как-то. Но все бrenно в этом мире.

Чем глубже я вникаю в эти вопросы, тем значительнее, величественнее они мне кажутся. Нет уже структуры советской военной боевой авиации. А тогда она была и живой наукой, и грозной силой. Ей отдавалось столько энергии! Какой энтузиазм и воодушевление она вызывала! Какие страсти кипели! Она перестала существовать, как только закончились бои – ее подпитка, когда закончилась ее боевая работа. Остались только воспоминания. Ведь все имеет конечное время жизни. Структура же эта была уникальной, неповторимой, невозстановивающейся, как и все, впрочем, в этом мире. Разрушилась она, эта структура, не под влиянием алкоголя, троцкистской идеологии или других причин, а в силу неизбежных законов природы. Система разрушается, если не поддерживаются условия ее существования. Растаяло это братство, как облачко в небе, их любимой обители. Но она, эта структура, ее ментальность, дух, душа, живет в таких фильмах, как «В бой идут одни „старики“», в книгах, в душах умерших и погибших пилотов и командиров, в крови и в генах их детей и внуков, в форумах интернета, в надгробных памятниках, в стихах и песнях, воспоминаниях ветеранов, трудах историков и исследователей, документальных фильмах и кинохронике, фотографиях, архивных материалах, в компьютерных играх, и во многом другом, что непросто убить. Родилась новая ее жизнь. Разнообразная и интересная. Дай Бог другим сообществам такой доброй и долгой памяти. Заслужили!

Сейчас можно только вслед за Василием Георгиевичем сокрушаться, что он не успел, точнее, условия не позволили ему оставить обобщение своего богатейшего опыта. Послевоенные годы оказались напряженными, – гонка вооружений. Не было времени для раздумий, обобщений и воспоминаний. Требовалась повседневная работа для решения насущных задач.

Смерть, к несчастью, отсекала откладываемые на потом возможности. Приходится восстанавливать события по бумагам и словам современников.

Были и концерты, и банкеты после победы. Но они не снимали напряжение, расслабиться все равно не удавалось. Бывая в Москве, Рязанов ходил по театрам, концертам. Хорошо был знаком с А. Тарасовой, дружил с артистами. Георгий вспоминал, как они с отцом были у Пронина и Тарасовой в гостях, как ходили на ее спектакли. Сам Василий Георгиевич был человеком деятельным, энергичным. Читал книги, интересовался мировой политикой, внутренними делами. Но ситуация в послевоенной авиации ему не нравилась. Он почти открыто конфликтовал со ставшим в 46—м году Главкомом ВВС Вершининым и с Жигаревым – Главкомом с 49-го года. Гора рассказывал мне, что кому-то из них, – он не помнит, кому, – он не подал руки, встречая его на аэродроме. Тот протягивает руку, а Рязанов демонстративно закладывает руки за спину. С начальством он не боялся спорить. Когда же ему предлагали равносильные должности, он наотрез отказывался, говоря: через месяц посадят. Пост и так у него был высоким. Еще в 40-м году он фактически исполнял обязанности начальника Монинской академии. Формальный начальник был в Москве (его, генерала Арженухина, арестовали в 41-м), а он, начальник учебной части, решал все вопросы на месте. Он постоянно следил за всем, что делалось в мировой авиации, стремясь к тому, чтобы наша авиация не отставала. Он живо интересовался техническими новинками и, например, обижался на то, что американские аэрокобры, с мощными пушками, стреляющими через винт, не доходили до корпуса. Ему не нравилось администрирование, которым он был вынужден заниматься. Он любил летать, и был недоволен бюрократической атмосферой, сложившейся к году пятидесятому. Дошло до того, что, как мне говорил Гора, он незадолго до смерти решил уйти из армии, договаривался о том, чтобы работать лесничим в Брянских лесах. Недаром земляки вспоминали его слова: брошу все, поселюсь в Козине или Васильсурске.

Гора вспоминал, что его повсюду сопровождали два его пилота, два шофера, адъютант и денщик Гриша Тур, поэт, член союза писателей Украины. Были, конечно, и приятели, еще из Свердловского университета, генералы. С ними он ездил на охоту, ходили друг к другу в гости. Самого Василия Георгиевича иногда охватывала какая-то горячка. Он стремился разом переделать все дела, нервничал, если что-то его тормозило.

Рязанов был тружеником, пахарем, добросовестным, человеком чести, человеком слова, человеком долга. Он был стойким, великодушным, обладал душевным мужеством, высокими свойствами души. Он стремился как можно лучше и до конца сделать порученное ему дело. Были ли у него собственные идеи, скажем, по лучшему обустройству общества? Возможно, и были. Но в то время обнародование такого рода идей, даже и в марксистском русле, было опасным. Уклонизм, ревизионизм и прочие «измы» влекли за собой лишение свободы и жизни. Да и как обнародовать? В «Красной звезде» не напечатают. Листовки расклеивать? Поэтому Рязанов эти идеи, если они и были, не объявлял. Можно считать, что не было. Да и занятия политикой его, видимо, привлекали меньше конкретных дел. Такими же тружениками, работая напряженно и постоянно не за страх, а за совесть, были и Н. П. Каманин и М. П. Одинцов и многие, многие другие. Чтобы возвысить страну, молодежь должна подражать таким людям.

Участвовал ли он в планировании и разработке стратегических военных операций? В авиационной их части, видимо, да. Не всех и не всегда. Но Конев, скорее всего, советовался с ним, смогут ли там или при таких-то обстоятельствах помочь штурмовики, не говоря о воздушной разведке перед операциями. Еще в 1941-м году, когда он был заместителем командующего авиацией 5-й армии, ему по должности было положено участвовать в разработке авиационных операций армии. 5-я армия, как и ее авиация, сражались достойно. На Калининском фронте он и дискутирует, и сотрудничает с М. М. Громовым, командующим 3-й ВА. Обсуждают они и операции авиации в поддержке пехоты, в блокировании действий врага. С Лелюшенко он выдвигает принятые Ставкой предложения по Пражской операции. Так же и других

своих сражениях, исключая, наверное, Курскую и Сталинградскую битвы, планы которых были продуманы ограниченным кругом лиц на самом верху. Да и на своей должности элементов творчества было много. Служить офицером – занятие, постоянно требующее поиска новых путей. Даже в полках постоянно возникали проблемы, требующие нестандартного подхода. Еще больше их было на уровне дивизий и корпусов. Крайнюков писал: *«В боевой обстановке очень многое значит умение командира творчески решать поставленные задачи. Этим качеством отличалось большинство наших офицеров и генералов»*. Да и оперативное господство в воздухе тесно связано со стратегическим.

Василий Георгиевич был настоящим боевым генералом. Он прошел всю войну от начала и до конца, всю череду сражений и передышек, отступлений и наступлений, окружений, прорывов обороны, преследований противника и отражений контрударов, весь этот каждодневный, кропотливый, нелегкий и въедливый труд войны. Были у него и боевые вылеты. Причем, в самое тяжелое время, в начале войны, когда немецкая авиация господствовала в воздухе, а Звезду Героя давали за десять штурмовок. В самых значительных сражениях он активно участвовал. И в трагических, как под Киевом в 41-м или под Харьковом в 42-м, и в победных, как Курская битва, битва за Днепр, Корсунь-Шевченковская, Львовско-Сандомирская, Берлинская операции и многие другие. Но главное его достоинство, за что его помнят много лет после смерти, за что чтут, ценят и любят, – это его глубочайшая порядочность, честность. Так, он никогда никого из знакомых, близких, всех, с кем он как-то был связан, не оставлял, помогал, чем мог. Первая жена – отдельная статья. Он не мог поступить иначе. Любовь окольцевала его неразрывным кругом. Всех своих фронтовых друзей: Полбина, Утина, Подгорного, Родимцева, Каткуова, Ротмистрова, Рыбалко, Конева, Жадова, Лелюшенко, Красовского, Горюнова, Степичева, Агальцова, Баранчука, Пошивальникова, Степанова, Одинцова, Бегельдинова, Нестеренко, и многих других он помнил до конца своих дней. Он не боялся говорить нелицеприятные, но честные вещи начальству, борясь за правду. Социализм привлекал его тоже честностью, социальной справедливостью.

И. Л. Солоневич писал: *«В великих столкновениях великих народов побеждает не „геройство“ — побеждает выносливость. Героические моменты этой борьбы потом используются в качестве наглядных и воодушевляющих символов»*. В Великой Отечественной войне победила выносливость нашего народа, его солдат и командиров. И в качестве наглядных и воодушевляющих символов были Звезды Героев. Почему Рязанова выбрали символом? Очень хорошо понимали важность правильных решений, более значимых, чем «геройские» действия. Рязанов же отличался именно верным мышлением, смелостью решений. Ученые получали тогда крупные награды. Хотя и ответственность, и наказания за ошибки были немалыми. Ценились офицерское звание, честь офицера. Рязанов выговаривал Бегельдинова: – Ты помнишь, как я поздравлял тебя с первым офицерским званием. Помнишь, что я говорил тогда: офицерское звание – это высокая честь и большая ответственность. Бегельдинов покраснел, готовый провалиться сквозь землю. Он вскочил: – Товарищ генерал, это больше не повторится.

23 июня 1945 года В. Г. Рязанов пишет письмо сыну: *«... Вот уже не пойму, как это тебе удалось по истории, самому легкому предмету, схватить четверку, в то время как по другим, более трудным, пятерки. Наверное, поспешил. Но это шутка. На самом деле я, конечно, очень рад, что ты так замечательно сдал экзамены. Поздравляю тебя от всей души. Выходит, что ты уже десятиклассник. Так, смотришь, незаметно и в вузе окажешься. Ты как, не бросил еще своей мысли насчет поступления в электротехнический институт? По-моему, мысль неплохая. Дней десять тому назад у меня была полная уверенность в том, что сейчас я буду с вами. Я должен был полететь в Москву на парад победителей. От меня там – тридцать человек (самый золотой народ) – все герои! Планировал так: залететь к вам, взять вас с мамой в Москву смотреть парад, а потом сюда, ко мне на фруктовый и виноградный*

сезон. Планы рухнули. Здесь так сложилась обстановка, что мне вылететь никак нельзя. Все выяснится к первому июля. Вот такие перспективы».

С немецких аэродромом, к которым уже привыкли, обжились на них, перебазировались в Австрию. Под Берлином особенно хорошо был оборудован аэродром Финстервальде, у немцев была здесь школа летчиков. После того, как во время войны аэродромы меняли каждую неделю, здесь стояли больше месяца. Даже жалко было его покидать. Отсюда Рязанов направлял лучших летчиков корпуса на парад Победы.

Мама с группой связи отправилась в Австрию первой. Вспоминала, как они там какое-то время жили вольно, дожидаясь остальных, лакомились черешней. Затем демобилизация, в начале сентября 1945-го она была уже дома в Москве. Пошла снова в школу, но учиться в девятом классе после фронта, как она потом говорила, невозможно. Она ушла, решив работать и учиться в вечерней школе. Вечернюю школу она закончила уже после смерти отца. Если маме окончить школу помешала война, то бабушке окончить гимназию помешала революция. Прилетел Рязанов. Когда он был в Москве, то ходил по концертам и театрам с мамой, ухаживая за ней. Они были красивой парой. Уговорил ее работать в корпусе, забрал с собой в Австрию. Бабушка потом говорила, что увез он ее чуть ли не тайно, почти похитил, посадив в самолет. Но, думается, она не возражала, скорее всего, решение было обоюдным. Там она работала в корпусе вольнонаемной: чертежницей, машинисткой.

В Австрии стояли под Веной. Посещали ее достопримечательности: оперу, соборы, музеи. Но тянуло на Родину. Многие части и соединения расформировывались, демобилизовали старших по возрасту военнослужащих и специалистов. В них нуждалось народное хозяйство. Приказали сохранить ценные кадры летчиков, штурманов, техников, направлять на учебу в академии [1]. В академию попал и Талгат Бегельдинов. Он вспоминал, что вместе с ним сели за столы Иван Кожедуб, Сергей Луганский. Авиаторы стали изучать операции, в которых совсем недавно принимали участие.

А. А. Девятьяров вспоминал, как в начале августа 1945 года В. Г. Рязанов организовал в Бадене под Веной, где в то время находился штаб корпуса, торжественную встречу всех Героев Советского Союза корпуса и его руководящего состава с группой артистов московских театров. *«Не забыть, как генерал В.Г.Рязанов с артистом Большого театра Союза ССР Ивановым поднялись и исполнили песню русских моряков „Варяг“. Невозможно передать в словах силу ее воздействия на сердца слушателей. Это надо было испытать самому. Песня стала любимой на всю жизнь. С глубочайшим волнением запеваю ее на встречах с товарищами – фронтовиками».* На этом же вечере Рязанов выступил с большой речью, где подвел итоги боевой работы корпуса. По свидетельству очевидцев, это была незабываемая речь. К сожалению, текст ее не был записан.

В июле 1945-го на разборе Берлинской операции Рязанов говорил о сопровождении штурмовиками наступающих танков при стремительном продвижении их на большую глубину и крупных окруженных группировках противника в тылу. Особо освещалось: 1). Организация взаимодействия и связь с танками при действии их в глубине. 2). Связь с аэродромами и управление авиацией в воздухе. 3). Разведка на себя и в интересах танков. 4). Перебазирование частей авиации вслед за продвигающимися танками.

А Д. Д. Лелюшенко на конференции по обсуждению опыта участия войск 1-го УФ в берлинской операции (февраль 1946 г.) сказал: *«24.4.45 г. было завершено окружение Берлина, а 25.4 противник предпринял атаку и пытался выйти на пути 4 гв. ТА и на один день для 6 гв. мк пути были перерезаны. Но 26.4 ударом 6 гв. мк путь снова был открыт. Здесь большую роль сыграла наша авиация, в частности, корпус тов. Рязанова. Массированный удар авиации совместно с 4 гв. ТА (5-й мехкорпус) смял противника и отбросил его на запад от Берлина, и до конца операции расчлененным группировкам противника соединиться не удалось».* П. С. Рыбалко, возможно, сожалел, что уже отлаженная и продуктивная работа с Рязановым

мало продолжилась под Берлином, на той же конференции говорил: *«Надо узаконить, что авиационные корпуса, которые обеспечивают и работают вместе с наземной армией, должны работать вместе постоянно. Я только с каким-нибудь командиром отработаю вопросы взаимодействия, проведу занятия, а он от меня уходит. Он выполняет свою задачу, а ко мне другой корпус подходит. Я воюю, мне некогда заниматься с ними. Следовательно, закреплять бомбардировочные или штурмовые корпуса обязательно нужно. Когда ведущие срабатываются с командирами танковых батальонов, тогда они не будут бомбить своих...»*.

Штаб армии расположился в живописном пригороде Вены. Обстановка для работы здесь была превосходная. По воскресеньям офицеры выезжали в горы, на озера, в Вену, гуляли по Хофбургу, по Рингу. Офицеры теперь использовали выходные дни по их прямому назначению. О. В. Лазарев в своей книге «Сто боевых вылетов» вспоминал, как после расформирования 3-го шак он попал в 9-ю гшад 1-го гшак, где стали более активно заниматься боевой учебой. Затем он недолго послужил комэска в 144-м и 141-м гшад.

После проверки 9-й гшад 1-го гшак выяснилось, что экипажи недостаточно метко поражают точечные цели на земле. Комдив объяснил это так: – На войне летчики чувствовали особую ответственность, да и били-то больше по площадным целям, нежели по точечным. Сейчас – другое дело. Поражение точечных целей требует определенного мастерства. Будем отрабатывать методику обучения экипажей на полигоне. На вопрос командарма, как это будет делаться, Донченко ответил: – Сначала научусь, как следует действовать сам, а потом дам провозные командирам полков; они в свою очередь – комэскам... – Когда можно будет вас еще раз проверить? – Спросил Красовский. – Через месяц! – заявил комдив. Донченко сдержал слово, штурмовикам за месяц удалось приобрести твердые навыки в бомбометании по точечным целям.

Провели крупные учения Центральной группы войск. Весной 1946 года главком ВВС вызвал авиационных начальников в Москву. В заседании участвовали А. Н. Туполев, С. А. Ильюшин, А. И. Микоян, А. С. Яковлев, С. А. Лавочкин, и другие известные создатели самолетов и авиадвигателей. А. С. Яковлев рассказал, что у нас строятся опытные образцы реактивных самолетов Як-15 и МиГ-9, которые будут лучше немецких. Он говорил о трудностях, с которыми встретились конструкторы, о необходимости разработки новых форм и профилей крыла, хвостового оперения. Георгий говорил, что отцу предлагали должность командующего реактивной авиацией, но он отказался.

В Австрии 45—46 годы. Уютно, спокойно, комфортно. Но тянет домой. Какая-то депрессия здесь, тоска. И места красивые, и еда, вин хватает, люди вежливые, мягкие, чем-то, манерами, привычками, даже походкой и осанкой, походили на русских. Но тоска по Родине не миф. Наверное, похожие чувства испытывали и пленные, те же австрийцы, усугубленные к тому же тягестями плена, трудным послевоенным бытом (а когда он был легким) и пр. Да и все-таки: где родился, там и пригодился. Музеи, парки, дворцы, правда, некоторые полуразрушенные, но народ работающий, тоже как русские, – быстро все восстановят. Только занятия, дела и помогали. Но, вспоминая военное время, дела эти казались уже и не столь важными. Хотя новая война могла вспыхнуть в любой момент. К ней надо было быть готовыми. Расслабляться нельзя. 41-й помнился хорошо. Мы с братьями оказались первым не воевавшим поколением. Мой дед по отцу сражался в русско-японской и первой мировой войнах. Дед по матери – в двух мировых войнах. Отец – в финской и Великой Отечественной. И даже мама юной девушкой достойно сражалась.

Василий Георгиевич любил спорт. Но заняться им все было недосуг. После войны, когда надо было занять бездействующие войска, он решил, к тому же командир должен подавать пример. Ему нравился волейбол: игра мягкая, не грубая, атлеты, взмывающие над сеткой, причудливые траектории мяча. Его охотно взяли в игру, – потом обронить в беседе, – играл в волейбол с генералом Рязановым, – каждому хотелось. Но навыков игры у него не было.

И минут через пять, поняв, что этому делу надо серьезно учиться, он со смехом поблагодарил игроков и ушел с площадки. Плавать он любил с детства. Но это вид спорта сезонный, с бассейнами проблемы, а в открытой воде поплаваешь только, когда тепло. Он плавал, но дыхание уже не то, что в детстве. Да и того удовольствия уже нет. Уже другое греет душу. Охота, городки, прогулки, косьба, лыжи, – всем этим он по возможности занимался. Он часто открывал различные спартакиады, судил соревнования.

В августе 45-го Василий Георгиевич был на открытии памятника советским воинам, павшим при освобождении Вены. Площадь Сталинплатц, теперь ей вернули прежнее название Шварценбергплатц. Монумент, вписавшийся в имперскую стилистику Вены, ему понравился. Скульптор Нитизарьян, ученик Веры Мухиной, всю войну командовавший взводом, получил в 45-м задание по специальности, и воздвиг величественную фигуру на одиннадцатиметровом постаменте перед дугой колоннады. Может быть, место перед несколько патриархальным замком Шварценберг, построенном в другом стиле, не совсем удачно. Но в центре Вены, и сам памятник хороший.

Сын Георгий в 1946 году приезжал к Василию Георгиевичу в Австрию. Они там на нескольких фотографиях. На других фото Георгий с сослуживцами отца. Самому Георгию запомнилось, что многих ветеранов уже демобилизовали или отправили на учебу, призвали молодежь, почему-то, в основном, из Средней Азии, и многие очень плохо говорили и понимали по-русски. Не понравилась Горе генеральская среда. Он тогда много читал, и генералитет, почти все из крестьян, напомнил ему нуворишей, героев Бальзака. Гора удивлялся: странная атмосфера, какой коммунизм, если нравы, как описаны Бальзаком. Жены сидели без дела, когда их мужья были заняты на работе. Предметом долгих обсуждений стала новая женитьба Конева. Жены разделились на партии за и против. Хотя были, конечно, люди прекрасные, да и сам Рязанов из крестьян. О Коневе Гора говорил, как о выдающемся полководце, рассказывал, что с отцом он очень дружил. Конев подарил Горе какие-то замечательные по красоте шахматы, которые потом где-то потерялись. Тогда Гора спросил у отца, где же коммунистические идеалы, на что отец и ответил: история не имеет моральных оценок. Отец не отвлекался ни на быт, ни на политику, был погружен в работу. Гора сделал мне верное, видимо, замечание, что образ отца у меня какой-то сусальный. Отец был живым человеком, эмоциональным, ранимым, увлекающимся, живо всем интересовался, но у него не было претензий на лидерство и попыток обобщения. Он мог ошибаться, но признавал и исправлял свои ошибки. В вопросы коммунистической морали он старался не вникать, довольный тем, что коммунизм побеждает в мире. Причем, не важно, побеждает ли он потому, что сильнее. Мировоззрение у него было жизнеутверждающее, и многое, прогнившее насквозь, он видел, но делал вид, что не замечает. Прошедший тюрьму, он дистанцировался от политики, идеологии, философии, делал свое конкретное дело в авиации. Гора раз пять в 45—46 годах еще школьником на каникулах был у отца в Австрии. Там однажды отец послал его в санаторий в горах, расположенный в монастыре. В санатории-монастыре оказалось два отдыхающих: Гора и Василий Сталин. Они подружились, Гора очень хорошо говорил о нем, но отец вскоре забрал оттуда Гору. Не потому, что Сталин его спаивал. Он еще и хватал монашек. А у отца была удручающая статистика по сифилису. Он потом показал ее Горе. Запомнился еще Горе кинозал в Австрии на два места, где отец смотрел кино с кем-то. Запомнились и профашистские настроения молодежи. Например, выкладывали телами свастику на пляже или в другом кинозале демонстративно выходили на улицу во время агитационного киножурнала.

Отец работал с энтузиазмом. Но там не было полноценной духовной жизни. У отца и образование, и широкие интересы. А реальная жизнь оккупационных войск с непонятными Горе порядками, низкопробными зрелищами и беседами, противоречила этим интересам. Гора говорил: у отца было что-то такое... Он был абсолютно честен и справедлив, человек чести. Как пел Окуджава о дворянах арбатского двора, так и для отца, воспитанного сельским двором,

понятие чести было почти рыцарским. Но это была не общественная, а личная честь. Увлекала его конкретная работа, а не идеалы коммунизма.

Рязанов дружил с Коневым, Жадовым. На приеме у президента Австрии (с 1945 до 1950 года) Карла Реннера отец начал пересказывать ему свое мнение о старых работах Реннера по национальному вопросу, написанных им еще в начале века, Рязанов изучал их в Свердловском университете. Реннер был потрясен. Потом он куда-то приглашал отца. Тот брал с собой Гору, – он мне это и рассказывал, – а Реннер брал дочь или внучку, чуть постарше Горы. Всю войну девушка жила где-то в деревне у родственников. Гору удивило, что она почти не умела читать. Гора учил немецкий в школе, но читал лучше ее. Она могла прочесть только какие-то знакомые, к примеру, по вывескам слова. Тогда для девушек в Австрии было только двухклассное образование, да и в деревне при нацистах было, наверное, не до учебы. Но она была очень красивой, яркой девушкой.

Когда Рязанову присвоили звание дважды Героя, в газете «Красный сормович» от 28.06.45 были слова его матери Натальи Алексеевны: *«С утра, как только по радио передали весть о Васиной награде, ко мне стали заходить и знакомые и незнакомые. Все поздравляли меня, хвалили Васю. Уж я так радовалась за сына. Давно, несколько лет, не видела его. А вот, глаза закрою, да представляю себе его, как живой он встает передо мной. Представительный такой, широкоплечий, сильный. Горжусь таким сыном. Горжусь, что он выполнил мой материнский наказ. Бил врага, гнал его с нашей русской земли. И вот сейчас, если прилетит он сюда, скажу я ему (для кого он генерал, а для матери он остался сыном): — Будь таким же всегда, дорогой! Люби Родину, помни, что ты русский. А я, старуха, горжусь, что вырастила такого сына».* А друзья и товарищи А. Баранов, А. Щуров, И. Соловьев, Р. Сорокин, И. Благин и другие писали в открытом письме земляку: *«В жестоких боях с врагом ты проявлял... даровитость и ясность ума».*

Шестого октября 1945 года Рязанов приехал в Большое Козино, выполнил обещание, данное землякам. Над входом в клуб вывесили большой плакат: «Добро пожаловать, наш дорогой земляк!» В переполненном зале собрались родственники, те, кто знал его с детства, кто учился с ним. Многие земляки всю войну работали на сормовских заводах, давали фронту танки, самолеты и пушки. На праздничных костюмах сверкали ордена и медали – награды за доблестный труд. А рядом с ними сидели в гимнастерках с боевыми наградами те, кому довелось дожить до Победы и вернуться домой.

Василий Георгиевич пришел на встречу с односельчанами в парадной генеральской форме при всех орденах и медалях, с двумя Золотыми Звездами. Он сказал:

– Большое вам спасибо, дорогие земляки за хорошие слова с мой адрес! Но сила наша не в одном человеке, а в единстве всего советского народа... Таких, как я, миллионы. Любой из нас, будь он хоть трижды Героем, но, если не будет иметь в достаточном количестве первоклассной техники, вряд ли одолеет врага. А вы снабжаете нашу армию этой техникой – вот где корень победы. Я честно выполнил приказ Родины. Я вышел из вашей среды, здесь вот, в этом селе, рос и воспитывался. Упорству в труде, честности по отношению к общественному долгу учился я вот у этих труженников Сормовского завода – Павла Константиновича Сорокина, Ивана Клементьевича Благина и других. И выходит, что народ воспитывает героев. И нет благороднее и возвышеннее цели, как беззаветное служение своему народу, своей Отчизне...

Получая боевое задание, я стремился ценой любых усилий обязательно выполнить задание командования. Здесь мой товарищ Полушкин А. А. уже говорил, что я проявлял в боевых делах фронтовой обстановки новаторство, — это верно. В чем же заключалось это новаторство? Я приведу один пример. В начале войны я, командуя своим авиационным соединением, находился на своем командном пункте на одном из прифронтовых полевых аэродромах, как и все другие командиры авиасоединений. Но что я ощущал? Я не был удовлетворен этой

системой управления боя, я по существу не видел самого боя. Пытался я управлять воздушным боем, находясь сам в воздухе, но и это меня не удовлетворяло, так как я должен управлять несколькими сотнями самолетов. И я решил перенести свой командный пункт на передний край боя, где мог следить за ходом боя. Мне все видно, как на ладони. И дело пошло совсем по-другому. Теперь этот способ введен во всех остальных авиасоединениях. Как видите, я особенно сверхъестественного ничего не сделал, а только внес некоторую рационализацию, что, безусловно, делаете и вы на своем рабочем месте.

Брат Георгий, Гора, написал мне: «*Я бы добавил рассказ о случившемся при встрече отца в Козине во время войны. Отец сидел в президиуме собрания, когда офицер, сидевший в зале, выстрелил в потолок и начал целиться в окружающих. Началась паника. Отец встал и пошел к нему против дула револьвера. И вырвал револьвер из его рук*». Произошло это, по словам Горы, в 42-м году, когда Рязанов в случившееся короткое окно между назначениями на три дня прилетел в Козино. Но Гора спутал.

В 1945-м году, в октябре, Василий Георгиевич снова встречался с земляками в том же клубе. Наплыв желающих увидеть героя оказался столь велик, что дежуривший у входа милиционер, будучи не в силах сдержать напор толпы, вытащил пистолет и выстрелил в воздух. Рязанов, сидевший в президиуме, сбегал с трибуны и по спинкам дубовых стульев, – через заполненные проходы не пройти, – пробежал к выходу, со словами «Настрелялись!» отобрал оружие у милиционера и ударил его, чтобы успокоить. В жестокой войне не очерствело сердце генерала, не озлобилось, хотел он мира и добра.

Василий Георгиевич побывал на Волге с сыном и братом Алексеем, сходил в лес, набрал корзину грибов. Навестил дядю Михаила Васильевича и его дочь, свою двоюродную сестру Антонину. Они как раз собрались ужинать и угостили его вареной картошкой. «– Как в детстве», – сказал довольный гость. Проведал и друзей детства.

12 октября генерал Рязанов побывал на заводе «Красное Сормово», встречался с земляками-танкостроителями. Директор завода генерал-майор инженерно-танковой службы Е. Э. Рубинчик по поручению коллектива завода вручил Рязанову памятный адрес, макет танка Т-34, их продукции, и зажигалку с памятной гравировкой, которой генерал пользовался до конца своей жизни. Памятный адрес был у меня. С макетом танка, – рассказывал Георгий Васильевич Рязанов, – в детстве играл его сын Алексей, внук Василия Георгиевича. Сегодня Алексей Георгиевич Рязанов известный биохимик, доктор наук, пожизненный профессор, один из лучших в мире специалистов с очень высоким научным рейтингом. У него двое детей, правнуков Василия Георгиевича. Макет танка сейчас находится в музее В. Г. Рязанова школы №20 имени В. Г. Рязанова Большого Козина.

У Рязанова по-прежнему было немало дел. Еще две штурмовые авиадивизии, в том числе и прославленная 1-я гвардейская, вошли в состав корпуса. Прибавилось хлопот и еще убавилось времени. В полках, на полевых аэродромах, в штабе, везде требовалось его присутствие и умение оперативно решать возникающие вопросы. Он обобщает накопленный военный опыт, переучивает летчиков на новые типы самолетов. В «Красной Звезде» выходит его статья о формах учебы летчиков-штурмовиков в мирные дни. Но на душе у Василия Георгиевича нелегко. Разве за это сражались? Не такой виделась мирная жизнь, казавшаяся счастливым будущим. Рязанов, как всегда, трудился увлеченно. Он обладал счастливым, наверное, даром: любую, даже малопривлекательную и скучную работу сделать творческой, расцветить ее озарениями и открытиями. Творческое дело для себя он бы всегда отыскал. Писал бы, например, книги, как его друг Родимцев.

Хотя и мира-то особого и не было. Холодная война, реактивные самолеты, ядерное оружие... У меня смутные детские воспоминания, как повсюду строили бомбоубежища от атомных ударов, а в воздухе витало чувство обреченности, сладкое для детского сознания, не верящего в смерть. Но это чуть позже, в пятидесятые. А тогда техника и методы войны менялись

стремительно. Казалось, все устареваает. Военный опыт оказывается никому не нужным. Хрущев, например, затем во многом вообще почти разрушил авиацию, полагая, что со всем справятся ракеты. Да и Рязанова, будь он жив, ждали бы, видимо, уже не авиационные дела. Но эволюция часто идет по спирали. И сейчас авиация очень даже нужна. И тот военный опыт, который в конце сороковых казался уже устаревшим, вероятно, может пригодиться сегодняшним военным авиаторам.

Печальнее всего то, что вместе с самолетами отпала нужда в летавших на них людях. То есть, они были нужны, но в других отраслях, для других дел, иных занятий. А они уже не мыслили себя без неба. А. А. Девятьяров в своей книге «Земля под крылом» сдержанно описывает, как его сразу после войны выпроводили из авиации. Огромные переживания чувствуются за скупыми строчками. Среди не лирических страниц появляются почти стихотворные строки: *«И с теплящейся в душе надеждой я как лебедь рвался в небеса»*. Израненных в боях, поседевших, но мечтающих о полетах, штурмовиков не брали в реактивную авиацию, требующую людей абсолютного здоровья.

Владимир Павлович Шундрик, командовавший 8-й гшад, заболел после войны тяжелой болезнью позвоночника. Происхождение травматическое. Сказались военные годы, полеты, перегрузки, аварии, прыжки, ранения в Берлинской операции. Галина Дмитриевна, его жена, тоже воевавшая в 1-м гшак, ухаживала за ним больше десяти лет, когда он был прикован к постели. В 1969 году Владимира Павловича не стало. Галина Дмитриевна рассказывала, что в начале 50-х годов Шундрик командовал дивизией в Забайкалье и скрывал от врачей мучительные боли в спине, летая на реактивной технике. Один раз он в полете потерял сознание от резкого приступа боли. Спасся чудом, за счет запаса высоты, вовремя очнулся. За таким поведением, в общем-то, характерным для многих летчиков, стоят и вера в свои силы, граничащая с самоуверенностью, и желание полностью передать свой нужный опыт, использовать накопленный потенциал знаний и умения с пользой для Родины, смесь героизма и мальчишества. Но героического, высокого, достойного долгой памяти и подражания, все-таки, наверное, больше.

После войны стали не нужными многие боевые генералы. Они выполнили свою задачу. Они привыкли к резким и немедленным, четким и необратимым действиям. В войну исторические события концентрировались, исторические противоречия быстро разрешались. Возможно, только Жуков пытался продолжать в том же духе. И правильно, наверное, сначала Сталин, а затем Хрущев отстраняли его.

В конце 46-го и в начале 47-го года корпус стоит в Белоруссии, Слониме. 10 января 1949 года он получил новый номер, 60-й, с сохранением гвардейского звания и почетных наименований, и до 1956-го года базировался в Пинске, но самолеты были уже другими. Илы пустили на переплавку. Рязанова избирают депутатом Верховного Совета БССР. До сих пор сохранились вазы – подарок ему от работников стеклозавода «Неман». В депутаты его выдвинули рабочие стеклозавода «Неман», спиртозавода «Вселюб» и крестьяне деревни Бротянка. Рязанов женился. Требовалась определенная смелость, чтобы жениться на девушке с немецкой фамилией, отец которой был дворянином. Хотя он и не занимался политикой. Бывшие уже девушки радистки, телеграфистки говорили мне: мы все так любили Василия Георгиевича, так его обхаживали, а он выбрал твою маму. Я отвечал: потому что она самая веселая, самая добрая, самая хорошая, верная, любимая, – она моя мама. Хотя следствия с причинами здесь были перепутаны: мамой моей и брата она стала уже после выбора отца. Во втором браке Рязанов влюбился, как маленький. Разница в возрасте двадцать четыре года. Она могла бы быть и его дочкой, а, с другой стороны, разница разумная, муж должен быть и старше и опытнее жены. Мама уволилась из армии по болезни. Родилось двое детей. Еще одного, своего родного племянника, он усыновил. Вторая жена, бывшая его радистка, она любила его до конца жизни, была верна. Если не умерла с ним, то только потому, что у нее на руках были дети, его дети.

В Слониме в 46 г. родился мой брат Миша. В начале 47-го г. Рязанову сказали: «Корпус свою задачу выполнил, принимайте армию». Тогда и потребовалась расширенная автобиография с опытом боевых действий на имя генерал-полковника Голикова. Рязанова назначают командующим авиации в Львове, где он с 21.02.47 г. командовал 14-й воздушной армией Прикарпатского военного округа (в Киеве – 69-й – Киевского, в войну это была 17-я воздушная армия, хороший знакомый Рязанова будущий маршал В. А. Судец ей командовал. В 1972 году эта армия снова стала 17-й). Звание осталось прежним. Сталин после войны не присваивал генеральских званий. Во Львове как-то, когда его не было дома, ему привезли в подарок огромную корзину фруктов. Теща, Ольга Васильевна, обрадовалась: такие красивые фрукты. Попробовала несколько, не удержалась. И такие вкусные. Но Василий Георгиевич, когда приехал, разозлился, отчитал тещу, – зачем приняла, расвирепел: никогда без меня никаких подарков не брать! Корзину отвезти обратно! На возражения тещи, что она уже что-то съела, сказал, чтобы купили такие же. – Купить то, что съедено, и отправить обратно! Немедленно! И если еще раз!..

Его сохранившаяся львовская записная книжка наполнена записями о таком количестве дел, что поражаешься, когда находилось время на все это. Тут и адреса, и телефоны Родимцева, Вершинина, Поспелова, Жадова, Рыбалко, Агальцова, Конева, Астахова, Голикова и многих других, и какие-то поручения Крайнюкову, Якименко, и заметки для статьи или книги, и конспект доклада, и многое другое. Сохранилось и письмо от Конева: посылаю Вам портсигар – подарок от рабочих г. Праги в честь 2-й годовщины освобождения столицы Чехословакии. Я в начале 2013 года побывал у дома №98 по улице Коновальца, тогда улица Энгельса во Львове, где мы жили. Симпатичный особняк оригинальной постройки на пригорке.

Однажды, когда он ехал куда-то на машине, на полной скорости отлетело колесо. Все обошлось. Он отнесся к происшедшему спокойно, как если бы запонка с рукава отлетела. Особисты начали выяснять, не диверсия ли, но, видимо, ничего не выяснили. Катастрофы и аварии бывают не только у техники. И организм человека, и – что печальнее – душа и дух его подвержены таким же внезапным и стремительным падениям.

А. В. Ворожейкин вспоминал: *«Для проверки авиации Львовского военного округа была назначена группа инспекторов во главе с начальником Управления боевой подготовки бомбардировочной авиации ВВС генерал-лейтенантом Владимиром Алексеевичем Ушаковым. Возглавлял авиацию округа дважды Герой Советского Союза Василий Рязанов. Судьбы генералов были похожи. В Великую Отечественную оба командовали авиационными корпусами: Ушаков — бомбардировочным, Рязанов — истребительным, а затем перешли на нелетную работу. Правда, по характеру и внешнему виду их нельзя было спутать. Ушаков – высокий, спокойный. Рязанов — небольшого роста, хрупкий, энергичный. После рассказа о ходе боевой подготовки в подчиненных частях Рязанов поинтересовался, сколько времени мы будем проводить проверку. — Это зависит от вас, — загадочно улыбнувшись, ответил Ушаков. — В хорошей работе мы быстро разберемся, а вот с недоделками придется покопаться. Наша цель не только выявить недостатки, но и помочь вам устранить их».* Когда А. В. Ворожейкин писал эти строки, он, наверное, не знал, что с Рязановым они земляки, и что им двоим, как дважды Героям, в Нижегородском Кремле будет стоять небольшой обелиск.

Я родился в Львове, но примерно в двухмесячном возрасте был оттуда увезен в Киев, куда отца перевели служить. Конечно, ничего из той львовской жизни я не помню. Хотя астрологи считают важным место рождения, под какими звездами. Зыбкость памяти. Гора многое мог спутать из того, что рассказывал мне. Да и документы не гарантируют точности, – в них нередко напутано. Любые исторические сочинения – это весьма вольная интерпретация происходивших событий. Но У. Черчилль сказал: *«Чем глубже вы заглядываете в прошлое, тем дальше в будущее вам удастся заглянуть».*

С кем-то из его подчиненных у Рязанова был конфликт. Не знаю, на какой почве. Возможно, Рязанов защищал кого-то из своих летчиков. Летчики, как и разведчики наземные, работали в тылу врага. Военный летчик во время задания постоянно рискует жизнью. Могилы многих погибших неизвестны. У Ила начинает барахлить мотор, он выходит из строя, разворачивается в сторону своего аэродрома, и исчезает бесследно, словно переходя в другое измерение. Иногда сбитые пилоты падали на вражеской территории. И нередко попадали в плен. В книге А. Дробикина «Я дрался на ИЛ-2» Владимир Моисеевич Местер вспоминал: *«Кто из плена приходил, тем плохо было. Не сразу, а потом, после войны. У нас был командир звена капитан Назмеев, в 42-м году его сбили, он попал в плен, бежал. Потом опять воевал. Закончилась война, мы базировались в Белоруссии. Ночью, я дежурил по штабу, подошла машина — два человека, как их всегда рисуют, на глазах у меня содрали с него погоны, посадили в машину и увезли. Жену и двух дочек забрали. Так и канул — ни слуху, ни духу... Это было страшное время, 1948 год...»*. Пилотам не у кого было искать защиты, кроме, как у командира, которому верили и на которого надеялись. И командир не оставлял в беде своих орлов. Как любое дело он доводил до конца, так и не бросал никого из своих. Но тут и командиру пришлось нелегко. Офицеры-особисты очень не любят, когда им, тем более, в присутствии других офицеров, делают замечания, выговаривают, пусть это и командарм. Воспринимается это ими как личная обида. У них свое начальство, свои представления о ценностях. У Рязанова противник оказался боевым, писал много докладных против него. Какой-то компромат, вероятно, был. Например, указывал, что Рязанов был арестован, но скрывает это. Он, видимо, решил, что – этим- то он уж наверняка добьет дважды Героя. Жалобщика тогда вызвали в особый отдел и спросили, откуда он об этом знает, от Рязанова ли слышал. А когда он ответил, что не от него, посоветовали эту информацию забыть, как раньше советовали это сделать самому Рязанову. Так что, далеко не все относились к нему с любовью и почтением. Как говорил сам Василий Георгиевич: я не червонец, чтобы всем нравиться. Замполит полковник Черноусов тоже почему-то писал жалобы на Рязанова. Неизвестно, какие партийно-политические расхождения у них были. Может, замполит полагал, что его должность требует не меньшего уважения, чем командирская. На одной из фотографий Черноусов выглядит почти юношей, румяный, пышущий здоровьем. Он был непримирим, писал без усталости, с задором и энтузиазмом. Вероятнее всего, Рязанов, относившийся к политработникам без почтения, – он сам немало прослужил командиром-комиссаром и ценил их, прежде всего, по делам, – как-то задел своего заместителя по политической части. В корпусе на фронте почти все замполиты летали, вели за собой бойцов. Многие погибли смертью героя. А здесь, может, оказалось не так.

Потом, уже в Киеве, новым замполитом стал генерал Рубочкин, с которым Рязанов сработался. О военных делах Рубочкина очень тепло писал А. Д. Якименко, видимо, его друг, называвший его в своей книге Сашей. Мама дружила с семьей Рубочкина, с Надеждой Григорьевной, женой Александра Васильевича, и после смерти отца. Жили мы недалеко, ходили в гости друг к другу. Я помню, – мне было лет шесть, – как меня поразили несложные фокусы с магнитом, которые мне показывал Валера Рубочкин, сын Александра Васильевича. Потом Рубочкина перевели служить в Монино, где он и умер. Внук Рубочкина, Александр Сладков, сын его дочери Галины, ее я запомнил юной красавицей, стал сейчас известным военным корреспондентом на РТР.

Когда в 1944 году Александр Покрышкин, уже знаменитый летчик, получил третью звезду Героя, командир корпуса Утин сказал: *«Ну, теперь держись, Александр Иванович. Твои три звезды — это терновый венец для тебя и даже твоих детей и внуков. Ты же знаешь, как у нас «любят» героев...»*. Эти слова, по признанию близких Покрышкина, оказались для семьи пророческими. С одной стороны, было уважение, почет, признание таланта. С другой, штабные герои войны всячески строили козни и интриги вокруг его неординарной личности. Но он всегда был выше этой мышиной возни, стойко сносил удары судьбы. И в минуты невзгод

его семья – жена, дети – были той гаванью, где он находил покой и умиротворение [2]. Похоже складывалась жизнь и у Рязанова.

Мир несовершенен и несправедлив. Василий Георгиевич вместо того, чтобы решать философские, геополитические, социальные проблемы, рвал свое и без того нездоровое надорванное сердце в пустых, изнуряющих, выжигающих душу конфликтах с любителями таких бесплодных сатанинских затей. Есть род людей ни на что больше не годных, – только на такого рода свары, в которых они цветут, дышат этим отравленным воздухом, как кислородом, черпая в нем силы. Надо было Василию Георгиевичу бросить все, комиссоваться и, как Юмашев, например, поселиться в той же Алупке, размышлять у моря над вечными вопросами, писать мемуары. И дожил бы, гляди, лет до 70—80. Но не отпустили бы. Попасть в обойму очень сложно. Выйти же еще сложнее. Хотя, видимо, такую попытку в 47-м он делал. Но не сложилось. Да и характер у него был не созерцательный. Противоречие в том, что от круговерти дел устаешь действительно смертельно, а вырваться – умрешь от безделья.

Мир жесток, безразличен и равнодушен. Он не станет теплым и мягким, если ты не изменишь его, не оживишь своей душой, не согреешь своим теплом, не смягчишь своей нежностью. Мир бесформен. Формы создает дух. Чтобы их создавать, строить свои миры, надо немало: желание, правильное понимание вещей и их связей, готовность к неудачам и неожиданностям, к тому, что построенное окажется совсем не таким, как задумывалось. Нужны воля и умение строить, а также многое, многое другое, например, азарт, задор, веселость. Хотя созидание происходит спонтанно, без видимых усилий, условия должны соблюдаться. Все это у Рязанова было. Он понимал, что судьбы подчинены высшей воле. Но во власти человеческой столько свободы, что жизни не хватит распорядиться и малой ее частью. Жизни ему как раз и не хватило.

В характеристике Рязанова было записано: *«Подбором и расстановкой кадров занимается недостаточно. Среди офицеров аппарата, в штабах полков и дивизий до декабря 1948 года имелись офицеры в прошлом судимые, бывшие в плену и окружении, привлеченные к партийной ответственности»*. Когда Конев командовал в Австрии, не отпуская от себя Рязанова, многие вопросы решались проще, а подобных претензий не возникало. Конев писал: *«Взаимоотношения начальника и подчиненного должны покоиться целиком на основе единства целей, долга и товарищества... На службе – начальник, вне службы – товарищ и друг, вот лучшая форма взаимоотношений»*. И Коневу в годы войны удалось создать атмосферу доверительности, товарищества и в то же время требовательности с людьми, которые вместе с ним решали боевые задачи. Теперь тотчас же проявились недоброжелатели. Но Василий Георгиевич всегда был бойцом. Только вот эти никому не нужные бои забирали силы, которых уже было немного. В войну было интереснее, веселее. Почему закисла, забродила послевоенная жизнь? Оформившееся имперство виной? Старение руководства, косность, консерватизм? Как люди, не болевшие в войну, так и организм общества начал давать сбои в переходном режиме. Может быть, и сами победители виноваты? Опьяненные победой, хотели слишком многого? Хотя доброты, сочувствия, понимания другого, тогда, наверное, было побольше. Сколько внимания и тепла давали детям. В обществе, как и в природе, все уравновешено, какие-то законы сохранения действуют. Или «пятая колонна» работала? Но старость начинается, когда пропадает радость преодоления, соревнования, победы. А здесь победа уже состоялась, некуда стремиться, впереди пустота.

В 47 г. летчик из его армии улетел в Австрию. Командиров кого разжаловали, кого посадили. Недруги командующего воспрянули духом. Рязанов тоже подготовился к тюрьме. Не хотелось снова в камеру, но что поделаешь. К тому времени уже сидели главный маршал авиации А. А. Новиков, генерал-полковники авиации А. Никитин, И. Туркель и генералы штаба ВВС, и другие военачальники. А маршал авиации С. Худяков был расстрелян в 1950-м. На нервной почве у Рязанова началась экзема. Его планировали разжаловать в рядовые

и лишит всех наград. Когда это решение докладывали на политбюро, Сталин проговорил в усы: Рязанов... я его знаю... И тут же машина завертелась в обратном порядке. Ему предлагали должность министра гражданской авиации. Но он не мог работать в режиме, задаваемом Сталиным, по ночам, и отказался. Были и другие предложения. Хотели использовать его политическое образование. Перед отъездом в последний отпуск, откуда он не вернулся, он сказал жене: ничего не поделаешь, придется после отпуска ехать в Москву, как я не отказывался, не смог.

Сталин сделал Россию – СССР ведущей мировой державой. Сталин очень большое значение придавал культурному и идейному воспитанию народа. Но модернизацию гигантских архаических слоев населения провести не успел. Не удивительно, ведь философ Мирче Элиаде считал носителями первобытного или архаического сознания с мифологическим мышлением подавляющее большинство современных жителей. Планы Сталина в отношении Рязанова. У него коммунистический университет – аналог семинарии Сталина, его любимый вуз, тюремный университет – тоже, как у Сталина. Тюремный стаж политический, возможно, был достоинством в глазах Сталина. Герой войны, лоялен. И – главное – боец, – доказал это. Хотя по природе своей Рязанов был человеком мягким, добрым, отзывчивым, байбак. Вернее, он был разным, в зависимости от ситуации. Но бойцом он действительно был. Он верил в грядущее торжество коммунизма. Сознательно и целеустремленно был бойцом, солдатом империи. Такой термин тогда не употреблялся. Немало загадок в истории того времени. Хоть Советский Союз не был монархическим государством с императором во главе, и не имел колоний, но это слово предполагает величие, поэтому и было введено в 1721 г. Петром I. У Ф. Чуева есть книга «Солдаты империи». К таким солдатам можно отнести и Рязанова. Гипотетические версии, рассмотрение которых – область фантастики: предположения о том, как бы Рязанов повел политику страны, если бы встал у нее во главе. Не исключено, что Сталин мог рассматривать его в качестве вероятного приемника. Сокурсников Рязанова по Коммунистическому университету имени Свердлова, который Сталин ценил, в котором проводил встречи и читал лекции, Вознесенского и Щербакова, – они могли рассматриваться как потенциальные приемники, – к тому времени уже не было в живых.

Мой старший брат Георгий, прочитав части этой книги, написал мне: *«Отец был человеком действия. Он верил в победу коммунизма, но ничего хорошего от него не ждал. Он кого-то любил, кого-то не любил, но внутренней жизнью людей не интересовался. Отец считал, что у истории нет моральных критериев, а потому идеалы бессмысленны. Победит же коммунизм, потому что нравится народу»*. Это он написал в ответ на мой вопрос: *«И критическое отношение к коммунизму... У него все-таки было базовое политическое образование, конечно, с марксистскими догмами, но во время его учебы еще были, возможно, остатки старых школ. То есть, какое-то представление об идеальном с его точки зрения, обществе, какой-то абстрактный идеал у него был. И, если он не совпадал с коммунизмом, то к какой модели он был ближе?»* Ответ Георгия представляется мне спорным. Ведь сам отец поступал всегда морально. А что такое история, как не сумма действий отдельных людей. Возможно, поступая морально сам, он видел аморальность, отсутствие моральных критериев у других? Надо ли для этого интересоваться внутренней жизнью людей, чего отец, по словам Георгия, не делал? Хотя, видимо, война и новый брак изменили не только звания, награды и отношение к миру отца. Изменился и характер, став более мягким, терпимым. Мой брат Слава знал отца лучше меня, ему было уже 11 лет, когда отец умер. Сейчас, в 2020-м году, Слава говорил, что основной чертой отца была доброта. У меня были знакомые военные, люди жесткие, суровые. Но незадолго до смерти становились очень добрыми. Так ли было с отцом? Но и его сыновья Георгий и Михаил были чрезвычайно добрыми, бесконечно отзывчивыми, бескорыстными, хотя характер у них был твердый и независимый. Скорее всего, у отца присутствовал весь спектр душев-

ных качеств. И в зависимости от ситуации, обстановки, времени, событий, обстоятельств, проявлялись больше те или иные черты.

Философ Семен Франк в работе «Смысл жизни» писал: *«Жизнь наша осмысляется, поскольку она есть разумный путь к цели, или путь к разумной, высшей цели... Но таким истинным путем для нашей жизни может быть лишь то, что вместе с тем само есть и жизнь, и Истина. „Аз есмь путь, истина и жизнь“ ... Для того, чтобы жизнь имела смысл, необходимы два условия: существование Бога и наша собственная причастность Ему, достижимость для нас жизни в Боге, или божественной жизни. Необходимо, ..., чтобы, несмотря на всю бессмысленность мировой жизни, существовало общее условие ее осмысленности, чтобы последней, высшей и абсолютной основой ее был не слепой случай, не мутный, все на миг выбрасывающий наружу и все опять поглощающий хаотический поток времени, ... а Бог, как вечная твердыня, вечная жизнь, абсолютное благо и всеобъемлющий свет разума. И необходимо, во-вторых, чтобы мы сами, несмотря на все наше бессилие, на слепоту и губительность наших страстей, на случайность и краткосрочность нашей жизни, были не только „творениями“ Бога, ... но и свободными участниками и участниками самой божественной жизни, так, чтобы служба Ему, мы в этом служении не угасали и не изнуряли своей собственной жизни, а, напротив, ее утверждали, обогащали и просветляли...».*

Возможно, Георгий имел в виду, что у отца не было, как сказано у Франка: *«...достижимость для нас жизни в Боге, или божественной жизни».* Мне же кажется, что отец так, конечно, не формулировал и даже не думал так, но в глубине души, неосознанно к этому стремился. Отсюда и кодекс чести его, и честность, и постоянная работа. И свою собственную жизнь он, как писал Франк, утверждал, обогащал и просветлял. Георгий, старший сын Василия Георгиевича, стал известным физиком. На его работы ссылаются, о нем была телепередача из серии об ученых с А. Гордоном. Но последние десятки лет он занимался более общими вещами, физика среди них только частный случай. У него в 1993 году в московском издательстве «Гнозис» вышла книга «Путь к новым смыслам», а после этого шесть, наверное, книг в Интернете.

Поколения сменяют друг друга, как волны. Вот и Георгий 7 января 2017 года ушел в другой мир. Его сын Алексей написал мне, что он уходил из (этой) жизни легко и с улыбкой на лице. Теперь он будет лежать в центре Принстона, – там живет и работает Алексей, в очень красивом месте, под огромным дубом, в окружении других великих ученых, могила Гёделя рядом. За ним лежат фон Нейман, Вигнер.

Я выразил Алексею соболезнование. Очень больно, когда уходят такие замечательные люди. Он был моим вторым и последним родным братом. Первый, Миша, ушел в 2010 году. Будем теперь надеяться и молиться, чтобы там им было хорошо и светло. Я зажег поминальную свечу. Он был светлым человеком – светлая и добрая ему память. «– Я всю жизнь пишу одну и ту же книгу», – сказал мне Георгий своим чистым, мягким, юным голосом в нашем последнем разговоре по скайпу.

Георгий своим добрым и веселым нравом, оригинальным своим мышлением, привлекал к себе людей, как и отец, наверное. Потом Георгий часто или был погружен в размышления или занят другими делами, или уезжал куда-то, – так он около года прожил в Ялте, – и многие, привыкнув уже к увлекательному общению, обижались, теряя связь с ним. В книге Ю. С. Владимирова «Между физикой и метафизикой», вышедшей в московском издательстве URSS в 2012 году, один из разделов среди физических и математических глав называется «Штрихи к портрету Г. В. Рязанова». Там Владимиров пишет: *«Георгий Васильевич Рязанов (1930 г. рождения) был сыном дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Василия Георгиевича Рязанова (1901 – 1951 гг.), командовавшего во время Великой Отечественной войны 1-м гвардейским авиакорпусом штурмовой авиации. О его фронтовом пути и боевых заслугах написана книга (ссылка на книгу Л. А. Рязанова и Н. И. Чеснокова (В. Р.)). До войны*

он преподавал в Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского, кстати, в те годы, когда там учился и мой отец, также впоследствии ставший генерал-майором авиации. Старшего Рязанова отличал аналитический склад ума и обстоятельный подход к решению проблем. В частности, Верховным Главнокомандующим ему было поручено выработать тактику маскированного применения истребительной авиации, с которой он успешно справился в ходе боевых действий своего авиакорпуса. Эти качества отца в полной мере унаследовал и его сын, исследуя фундаментальные проблемы пространства-времени и физических взаимодействий. Георгий Васильевич и внешне походил на своего отца: был высоким, сухопарым, со спокойным, вдумчивым взглядом. ... Рязанов был немного старше меня, но это нисколько не мешало нашему многолетнему общению. В целом, Георгий Васильевич производил впечатление человека не от мира сего, полностью погруженного в размышления о глобальных проблемах мироздания. Некоторые коллеги находили сходство внешности Рязанова с поэтом Бродским. Думаю, что сходство было не только внешнее...». Владимирова, вероятно, знал о делах В. Г. Рязанова из рассказов своего отца. Все авиаторы того времени уважали и ценили В. Г. Рязанова.

Гора всегда помогал и не только мне, а всем людям, совершенно бескорыстно, по всем вопросам, по которым он мог что-то сделать. Расспрашивал знакомых физиков об их задачах и советовал очень точно. Своими рассказами он очень помог мне в работе над этой книгой. Он, Гора, удивительно был похож на моего брата Михаила, ведь они оба старшие сыновья, правда, от разных матерей. Оба совершенно бескорыстные, добрые, веселые, бодрые, высокие, поджарые, чуть сутулые, даже манеры поведения и разговора, походки были очень сходны. Еще удивительно – и Гора и Миша были провидцами, легко говорили о чем-то будущем или прошлом, без всякого сомнения, и все и в прошлом и в будущем оказывалось именно так. А оценки настоящего у них обоих оказывались поразительно точными. Оба они были удивительно честными, правдивыми, спокойными. Это, наверное, от отца. Он, Гора, был, возможно, последним звеном, связывающим нас с отцом. Как листок в реке цеплялся за камень. Его сорвало и понесло во тьму веков, где эта война мешается с крестовыми походами. При последней нашей встрече Гора жаловался, что его не понимают. Надеюсь, что человечество проживет еще некоторое время до его понимания, и его гениальные труды оценят по достоинству. Историки науки сейчас пишут о его трактовке квантовой механики, более вероятностной. Сам Георгий говорил об этих работах, как ошибочных. Он часто отвергал сделанное им ранее, видя нечто, более совершенное. Георгий почти всю свою жизнь посвятил поискам ответов на вопросы, найти которые практически невозможно. Однако, сам процесс поиска увлекателен, хотя и очень труден. Сам ставишь себе задачи, в силу своей добросовестности обязан их решить... В последний раз он говорил мне, что выводит все из Нагорной проповеди и Евангелия от Фомы. «Главная сфера интересов – основание физики. Построил общий план мира, согласно которому физика оказывается следствием обратимости времени и зависит от многих факторов, относящихся к сферам искусства, религии, мистики и др.» – написано о нем в одном из источников. Но важнее и для него, и для всего мира его великая душа, ушедшая сейчас, но оттуда освещающая весь мир.

В институте теоретической физики им. Ландау в Черноголовке, где он работал, очень серьезном научном заведении, все считали его гением. Действительно, я перечитал его работы 50-х, 60-х годов, на которые и сейчас ссылаются. Сильнейшие работы. А тогда ему не было и тридцати. Всегда он был веселым, доброжелательным, чуть ироничным. Был я два раза у него в деревне Петрищево на Оке, куда он перебрался из Москвы после выхода на пенсию, когда, как он говорил, появились прекрасные условия для работы. И он и там и везде постоянно работал, думал, а это самая трудная работа. Образ жизни был таким. Как и наш отец, он был великим тружеником.

К В. Г. Рязанову с большим уважением относился сын Сталина Василий. Есть несколько его телеграмм, в том числе поздравительная, к пятидесятилетию Рязанова, написанная очень

тепло и почтительно. Генерал Д. Т. Никишин, сменивший Полбина в должности командира корпуса после его гибели, писал в своих воспоминаниях, что в 1943 году Полбина на эту должность выдвинул из инспекции ВВС Василий Сталин, когда Судец был назначен командующим 17-й ВА. Полбин сдружился с В. Сталиным под Сталинградом. Рязанов же такой дружбы не искал. У него был уже опыт дружбы с Алкснисом, закончившийся тюрьмой.

Как бы сам Рязанов отнесся к предложению стать лидером? Раньше согласился бы. Но тогда он, видимо, уже не хотел быть первым лицом, не хотел ни почестей, ни славы, – этого у него было достаточно. Он, видимо, еще во время учебы в Коммунистическом университете понял о политике то, что сейчас очевидно для многих, что политика даже в самых лучших своих стремлениях неизбежно сопряжена с грязью, кровью, ложью. И он уже так устал, что хотел только, как герой Лермонтова, «...свободы и покоя... забыться и заснуть». Он бы, конечно, выполнил приказ, но больше всего ему хотелось бы быть свободным, возиться с детьми, заниматься чем-то в свое удовольствие, учить детей множеству вещей, прежде всего, мужеству, честности, стойкости, порядочности, в чем он знал толк. Учил бы и тем вещам, которыми он сам хотел бы обучиться. Писал бы мемуары, свои мысли о жизни. Склад ума у него, в общем-то, был философски аналитическим. Но он стал бы руководителем, скорее всего, лучшим, чем те, кто был на этих ролях. И получал бы радость от этой работы, как он получал ее от любого другого занятия.

Есть ли некое глобальное, всемирное, всечеловеческое, вселенское значение явления Рязанова миру? Это, во-первых, его склад ума: мыслитель, аналитик, ученый, ставший военным. Во-вторых, величие духа, благородство, честность его. И, наверное, разумное сочетание традиций и новаторства. Знакомый, увлекающийся военной историей, в разговоре со мной сказал: у твоего отца биография благополучная, а я ищу что-то нестандартное. Видимо, по контрасту с правильной картиной советского периода очень многие сейчас принялись за поиски всяких аномалий. Хотя, наверное, важнее было бы понять, как судьба внешне благополучная приводит к результатам огромным по меркам обычного человека. Какие силы задействованы? Какие действия? Секрет, наверное, простой. Работать много и упорно. Тогда результаты, постепенно накапливаясь, будут нужными и правильными. И времени, и сил на аномалии не останется.

Люди живут, как правило, в каких-то своих замкнутых тесных мирках, не подозревая о том, что в это же время рядом происходит что-то значительное, важное для его жизни. Выход за пределы этого замкнутого мира чаще всего ищут с помощью алкоголя. Мир авиации стал уже тесным для Василия Георгиевича. Но жизнь – движение по узкому горному хребту, слева обрыв, справа крутой склон. Надо удержаться на гребне.

Каждый выбирает свою судьбу и становится тем, кем хочет стать. Кому-то нравится лежать на боку, и он всю жизнь этим занимается, живет в своем внутреннем мире. Кто-то хочет стать спортсменом или певцом, например, и в этих направлениях что-то предпринимает. Если бы Рязанов хотел стать политиком, он не ушел бы в авиацию. К тому же политику для реализации власти нужны соответствующие средства, социальные системы. Он же мог опереться только на военную авиацию, и то – не слишком надежно. А в той обстановке, когда окружение Сталина стремилось к власти любой ценой, он, скорее всего, будучи не силен в интригах, не смог бы удержать власть. Василий Сталин знал это окружение и заявлял о том, что его отца убили, видимо, с какими-то основаниями. И склад ума у летчиков не чиновнический.

Принимать правильные решения вообще нелегко. Еще сложнее принимать такие решения в стрессовой обстановке цейтнота и угрозы для жизни, бросая вызов смерти. Чтобы свершить что-то, необходимы, прежде всего, сила духа и знания. Важную роль играет и сила страсти. После войны страсти, игравшие в душе Василия Георгиевича, слегка улеглись. Но не исчезли совсем.

Сознание может изменяться в пограничной ситуации. В бою сознание может стать коллективным, уходят его границы. Люди в коллективном сознании боя становятся причастными всем боевым событиям. Чувства бойца и переживания друзей смешиваются. На грани смерти обычные причинно-следственные отношения искажаются, событиями начинает управлять судьба. Невероятные совпадения можно причислить к разряду чудесных. Как самолет, в котором находился Рязанов, разнесло в клочья, а он остался цел и невредим. Работа командира – принятие решения в чрезвычайных обстоятельствах, это придает реальность человеческому существованию. Принимающий волевое решение должен быть готов принять и его последствия, риски смерти или увечья. Но командир, зная о более высоких и сильных ценностях, чем его жизнь, находится в коллективном сознании, воспринимая знаки угроз или путей к успеху. Командир читает язык событий, носящих знаковый характер, принимая решения по наитию, глядя на рисунки судьбы. И выражаться отец часто стал судьбоносно.

Судьбы сражений решает вовремя отданная верная команда. Если команда не поступает или запаздывает, бой проигрывается. Командир, как дирижер, должен точно чувствовать и действовать, командовать четко и своевременно, в такт событиям, читая их вслепую, – нот нет. Очень веским моментом в удачных сражениях 1-го гшак было управление корпусом его командиром. Мелодии непростые. Переводить хаос в управляемый режим, добиваясь чего-то, снова отпускать систему в хаос. Уже с другой траектории, более близкой к иной новой возникшей задаче, снова контролировать систему, перенацеливая ее, – вот искусство командира, ведущее к поражению противника. От Рязанова исходил магнетизм энергии, воли и силы духа. Бойцы это чувствовали. Рязанов мог организовать и настроить коллектив одним взглядом и вскользь брошенным словом. Каждый день он настраивал на плодотворную работу комдивов, комполков, комэсков, ведущих. А дальше волны расходились.

Василий Георгиевич был одним из тех, кто разрабатывал тактику и оперативное искусство действий штурмовиков Ил-2, основы боевого применения, перебазирования, снабжения, взаимодействия с бомбардировщиками и истребителями, с другими родами войск. Управление боевыми действиями авиации на поле боя, массирование действий авиации, действия по аэродромам противника, воспитание и обучение пилотов, – все это и многое другое – плоды трудов и раздумий Василия Георгиевича. Задачи не простые. Эта тактика была не абстрактной разработкой. Ее положения писались кровью и жизнями пилотов, инфарктами командиров. Надо исходить из того, что есть Ил-2, не маневренный, недостаточно защищенный, несмотря на броню. Может, как говорят, и количеством задавили. Но на Илах били и юнкеров, и мессеров. И случай, – кто как подвернется, кто дрогнет, кого наведут, кому твердо и уверенно прикажут: бей! Исход сражения зависит от решения командира, от выбранной им тактики, от его неожиданного для противника хода. Он ввел управление по радио с НП наземных войск в штурмовой авиации. Он создал и возглавил эффективно действующую структуру – 1-й шак, сформировав и поддерживая его плодотворную работу. Но, – самое, наверное, главное, – он мужественно, достойно сражался, принимал верные и своевременные решения, самоотверженно и точно выполнял полученные приказы, подавая пример своим подчиненным и коллегам. Благодаря усилиям Василия Георгиевича и его соратников, эффективность боевого использования Ил-2 оказалась высокой, и штурмовики стали грозным оружием. Вклад штурмовой авиации в Победу велик. Если в начале войны только в западных округах, где были штурмовики, их было не больше 4,5%, то уже к началу 43-го их было больше 30% всего самолетного парка ВВС, а затем это число росло. Это был технологический прорыв, наряду с танковыми армиями обеспечивающий преимущество. Но боевое применение Илов, их эффективное использование, – заслуга Рязанова и других авиаторов. Уже после войны немецкие историки называли Ил-2 скальпелем, распотрошившим немецкую армию. Но скальпель эффективен в руках умелого хирурга.

Соратники Рязанова знали его боевой опыт, широкий оперативно-тактический кругозор, безупречную логику мышления. Он принимал единственно правильное решение быстро в самой сложной обстановке. За допущенные просчеты, за проявленные слабости Рязанов взыскивал сурово, но при всем том ценил и любил летчиков. Он, любивший летать, тосковал по любимому делу, слегка завидовал пилотам и часто хотя бы в разговорах с ними погружался в летную стихию. Так или иначе, во всех боях корпуса участвовал Рязанов. Готовил, планировал вылеты, отдавал приказы, строил базу, основу для побед, и сам руководил боем. Командир отвечает за все. Тогда четко и жестко выполнялось это правило. За ошибки и поражения вверенной ему части или соединения командиры были наказаны, вплоть до расстрела, за успехи и победы – награждены.

Таких бойцов, как Рязанов, было немало. Люди самоотверженные, ставящие интересы государства выше личных, не гордившиеся своим превосходством и заслугами. Маршалы и генералы, полковники и капитаны, сержанты и рядовые, – все они отдавали всё, что могли. У противника в войне моторов самолеты и танки были не хуже. Но мы победили. Победила сила духа наших людей. Рязанов в чем-то опережал свое время. Например, постоянно учился всю жизнь, а сейчас такое обучение становится необходимостью. Сохранились наброски его выступления на партийном активе Киева в начале 51-го года. Там он говорит об очистке небольшой речки Нивка, протекающей недалеко от Святошина. Не сбрасывать туда отходы, обустроить там ряд прудов, разводить рыбу. И это тогда, когда и слова экология не знали. Сейчас, уже давно, возможно, под влиянием Рязанова, так и сделали с речушкой, она, как он и предлагал тогда, очищена, в нее уже не сбрасывают отходы, на ней сооружена цепь прудов, в которых разводится рыба. Возможно, речка Нивка напомнила ему речку Пыра из его детства в Большом Козино, такую же речушку, через которую можно перешагнуть.

Вот сохранившийся рукописный текст: «9.1.51. К выступл. на гор. парт. конференции. 1. Раздел о промышленности очень большой. В то время другим вопросам уделено меньше внимания. 2. Хочу остановиться на 2-х вопросах: 1. Вопросы благоустройства города и 2-е о партийном руководстве научными институтами. 3. Если в условиях капиталистич. города неизбежна была противоположность между центром и окраиной, то совершенно нетерпима эта противоположность в настоящих условиях. Если она есть, то говорит только о нашей лени, неповоротливости. К сожалению, мы наблюдаем такую картину, когда в центре все: парки, скверы, цветы, внимание к центру, а на окраине, не говоря о газе – это одновременно не делаешь, нет воды, нет мощных улиц, нет торговых точек. А если поехать на Брест-Литовское шоссе, то в районе Святошино все хуже и хуже. Раньше были хоть заборчики, и они прикрывали неприглядную картину, то сейчас эти заборчики, по-видимому, ушли на дрова, и мы наблюдаем разруху, руины, неприглядный вид.

Все собравшиеся здесь знают, что возле Киева протекают реки Днепр и Ирпень и что они текут в разные стороны. Мало кто знает, что по всей западной окраине Киева протекает речка Нивка, впадающая в р. Ирпень. Она особенно хорошо видна, когда поднимаешься или заходишь на посадку на самолете на аэродроме Жуляны. Вместо того чтобы использовать эту речку для красоты и удобств трудящихся, превратили в сток нечистот, грязи. Можно было бы сделать без особо больших затрат систему прекрасных проточных чистых прудов. Что дает природа, не можем использовать. Как устранить. На окраинах из торговых предприятий преуспевают только пивные и т.н. «Закусочные», где выпить есть что, а закусить нечем. 4. Считаю необходимым более широко вовлечь трудящихся в обсуждение плана восстановления и реконструкции г. Киева. Два новых дома на Крецатике стоят друг к другу, как два поссорившихся братишки и ждуют, когда их мама помирит. «Пряничные домики», «Кафельные печи». Такой стиль годится для одно-двухэтажного домика где-нибудь на веселой опушке леса, а не для 10-ти этажки. Дома на центральной улице столицы. Мы будем строить десятки и сотни домов. Так надо тщательно продумать. 5. Больше внимания научно-исследователь-

ским институтам. Мне было поручено Горкомом обследовать партгруппу сантехнического института. Парторг хорошая, но она сама по себе, директор сам по себе. Секретарь парторганизации без квартиры». На этом запись обрывается. Образ братишек, скорее всего, родился из наблюдений за мной и братом. А в одном из «Пряничных домиков» мы уже без отца прожили больше 60 лет.

После войны у Василия Георгиевича появилась (или проявилась) такая черта характера, которую можно назвать веселой наглостью. Хотя, возможно, она была и раньше, но как-то не реализовывалась. Может быть, сказывался опыт военных лет, когда многие вопросы решались полюбовно, в дружеской беседе с командующими сухопутных, воздушных и танковых армий, может, две Звезды Героя на груди, может, счастливая супружеская жизнь, маленькие дети, может, предчувствие недалекой кончины. Но он, и раньше особо не привечающий формальности, сейчас и вовсе почти не обращал на них внимания. Рассказывали, что он чуть ли не с пистолетом ворвался в Лукьяновскую тюрьму в Киеве, куда был помещен его бывший летчик, в свое время побывавший в плену, и освободил его. Драченко арестовали в Одессе, и Рязанов освободил его при помощи генерального прокурора Руденко. Какие-то еще похожие, сходные со сказками истории... Бывая в Москве, в Большой театр или на какие-то интересные концерты, когда не было билетов, проходил, обращаясь к администратору. Вообще, он был человеком веселым, любил шутить, смеяться, с удовольствием читал Ильфа и Петрова. И можно было бы сказать, что он жил легко, весело и непринужденно, если бы он не работал непрерывно. А к работе он относился очень серьезно. Да и работа была такой, что пошутить можно было только тогда, когда она подходила к концу. Может, в редкие свободные часы и хотелось ему расслабиться, пошутить. Веселость эта была не напускной, не показной, в противовес мрачности мира. Он мир воспринимал весело и радостно, светло. Еще по свидетельствам всех, его знавших, он был красивым и сильным человеком.

Замыслы надо еще воплощать, реализовывать. Сама идея составляет не больше 3—4 процентов от будущего возможного успеха. Остальное – труд, каждодневный, кропотливый, надеждающий и изнуряющий. Рязанов вел себя, наверное, правильно, если о нем остались добрые воспоминания и хорошие результаты его трудов. Рязанов урывками, когда выдавалась свободная минута, работал над обобщением своего богатого опыта. Так, передо мной лежит написанный его рукой карандашом листок с названием «Записки к некоторым вопросам военного дела.

– Из опыта Отечественной войны вытекают два вида оперативного применения авиации. а). Участие авиации в армейской операции. б). Участие авиации во фронтовой операции. В зависимости от характера армейской операции, с каким противником имеет дело армия, какие задачи преследуются в операции, армии нужно придавать один истребительный корпус или один истребительный и один истребительный.

Порядок работы командира корпуса, приданного к армии: 1. Выработка плана взаимодействия. 2. Изучение района с летчиками. 3. Проигрыш первого дня с командирами дивизий, полков, истребителями. 4. Выделение средств связи и оперативных групп. 5. Выбор КП. 6. Руководству авиационного базирования дается направление изыскания аэродромов. 7. Оперативная группа со средствами связи отправляется накануне дня. Сам командир корпуса накануне или прибывает за час (далее обрвано).

– Когда авиация участвует во фронтовой операции, то в соответствии с приказом командующего войсками фронта, план разрабатывает командующий воздушной армией. Командиры корпусов на основе общего плана с командармами общевойсковыми и танковыми также разрабатывают план взаимодействия.

В этом случае командующий воздушной армией выносит свой КП на участок направления главного удара (совместно с КП командарма, где наносится главный удар), где сосредоточены танки фронта. В случае удара в двух местах организуются два КП.

Большое внимание должно быть уделено подсчету и планированию материального обеспечения: горючее, бомбы, снаряды, патроны; самолеты, штурманы, летчики.

Командиры корпусов организуют свои КП поблизости от КП командарма воздушной армией, по возможности, чтобы видеть, где будут бить их группы. На данном участке работы волна должна быть одна».

Очевидно, это изложение того, что неоднократно делалось, запомнилось крепко. Но это только случайный набросок. Опыт его был намного значительнее. Это и организация взаимодействия авиации с наземными войсками, и управление боевыми действиями авиации на поле боя, и массированные действия авиации, и действия по аэродромам противника, и увеличение маневренных возможностей штурмовой авиации, разработка гибких систем управления, перебазирования, оперативного выполнения заявок наземного командования, разведка. В этих областях Рязанов нередко был новатором, творчески перерабатывая существующие схемы, внося в них новые важные элементы. Так, Рязанов не закреплял дивизии за наземными корпусами на всю операцию. Действовать надо гибко, в зависимости от меняющейся обстановки. Работой корпуса он руководил со своего КП, играющего особую роль в системе управления штурмовиками на поле боя. Руководил он творчески, в зависимости от складывающейся обстановки. Он всю мощь авиакорпуса сосредотачивал там, где это было необходимо, и проводил такие действия авиации, в которых в данный момент прежде всего нуждались наши войска.

В Киеве к нему пришел комкор Василий Васильевич Степичев, с Рязановым они были Вась-Вась. Они сражались рядом на Калининском фронте, на Украине, в Молдавии. Они были знакомы и до войны, и по боям 41-го. Тогда Степичев командовал 316-м отдельным разведывательным авиаполком. Его экипажи собирали ценную информацию. В наиболее важные и опасные вылеты летел сам Степичев. Первый спланированный Рязановым в войну массированный удар по вражеским аэродромам Городище, Узин, Фурсы, лишивший противника десятков бомбардировщиков, основывался на данных, полученных разведчиками 316-го орап. Яки полка работали и по наступающим колоннам вермахта. И тут Степичев вел свой полк, нанося большие потери противнику, хотя 7.7.41 в районе Полонное его самолет получил более 50 пробоин после удара по танковой колонне. 1-м шак в 42-м назначили командовать Рязанова, а 2-м – Степичева. Летчики под руководством Степичева отважно и результативно действовали во многих операциях, получив и награды, и благодарности Верховного Командования. 2-й шак стал 3-м гшак. Степичев, как и Рязанов, был командиром анализирующим, думающим. В архивах хранятся его обращения командованию с очень дельными предложениями еще 42-го года. Но потеря времени – 2 года перед войной он тоже провел в тюрьме – повлияла на его военную карьеру. У него тоже было политическое образование. Как и Рязанов, он служил в Одессе, Оренбурге. Вчера я нашел фотографию Степичева с надписью на обороте: «На память боевому товарищу и другу Василию Георгиевичу Рязанову от В. В. Степичева». Тогда в Киеве он сказал: – Вася, ты дважды Герой, член ЦК, Верховного Совета, тебя послушают. Попроси о квартире для меня, негде жить с семьей. Вмешалась жена: – Вася, ты сам без квартиры, только друзьям и помогаешь. Степичев ушел. Рязанов с горечью сказал жене: – Я потерял друга. Или в тюрьме, или на фронте, или при других, возможно, не менее драматических обстоятельствах, Василий Георгиевич уяснил себе, что самое дорогое в жизни – друг, живая родная душа. Мама рассказывала мне, как бы каялась. – Но квартиры-то ведь действительно не было, – добавляла в оправдание.

«Вынырнув из-за облаков, четверка истребителей цепочкой друг за другом с воем неслась к земле, казалось, точнехонько на КП, а генерал невозмутимо стоял во весь рост у входа в землянку, в то время как все мы попрятались в щель. За все время атаки генерал сделал один-единственный жест: безнадежно махнул рукой на безрезультатную стрельбу отрывисто лаявших зениток, прикрывавших аэродром». – Так вспоминал о Степичеве летчик его корпуса И. В. Клевцов в книге «Записки «трижды воскресшего», приходя затем к выводу, что

поведение генерала было не бравадой, а расчетом. В. В. Степичев в 51—53 годах командовал авиацией во Львове, как Рязанов в 47—48 годах. Затем, уже генерал-полковником, командовал Дальневосточной армией ПВО. Квартиру в Киеве получил, где и умер в 1982-м году. Все друзья Рязанова: Конев, Горюнов, Агальцов, Утин, Родимцев, Жадов, многие, многие другие, как и он сам, давно уже за чертой. Может, военные советы там собирают? Или Сталин ввел Рязанова в Политбюро? Хотя там, наверное, другие заботы. Главное, есть ему там с кем общаться. Придет время, и все сами узнаем. Да и есть ли там время? И что такое время?

Василия Георгиевича избрали кандидатом в члены ЦК компартии Украины, хотя он формально не был членом партии. Когда его исключили в 38-м, а потом посадили, он вернулся в армию после освобождения, а в партии не восстанавливался. В войну проще относились к формальностям. Надо было срочно решать гораздо более важные проблемы. Вот выписка из протокола заседания парткомиссии Главного политического управления Вооруженных Сил СССР №32, пункт 10 от 11 апреля 1950 года: *«Генерал-лейтенант Рязанов В. Г., член ВКП (б) с мая 1920 года (партибилет №2662446 – на руках), командующий воздушной армией, дважды Герой Советского Союза.*

Выяснилось, что тов. Рязанов 10 января 1938 года окружной парткомиссией СибВО за мелкобуржуазную распущенность и зажим критики в бригаде был исключен из членов ВКП (б) и партибилет №0472668 у него был отобран. После выяснения обстоятельств по делу тов. Рязанова ему в порядке замены был выдан новый партибилет. Однако решение об исключении тов. Рязанова из членов ВКП (б) отменено не было.

Постановили: отменить решение окружной парткомиссии СибВО от 10 января 1938 года об исключении Рязанова В. Г. из членов ВКП (б) как утратившее свое основание... Ответственный секретарь парткомиссии при Главном политуправлении Советской армии полковник Леонов».

В Киеве года два с половиной жили в ведомственной гостинице на улице Розы Люксембург, 6. В ней раньше жили Якир, Ватутин. Там и сейчас гостиница, дом приемов, останавливаются главы держав, жил, например, де Голль. Огромная квартира на втором этаже, мы с братом детьми ездили там на велосипеде. Время было голодное, мама соорудила во дворе курятник, завела кур. Они иногда выскакивали со двора и бежали через улицу в парк, к могиле Ватутина. Регулировщик, стоявший на перекрестке, ругал маму, бежавшую за курицей. На том месте, где стоял курятник, через 60 лет, в октябре 2008 года, хотел разбить свою бедуинскую палатку ливийский лидер Муамар Каддафи.

Зарплаты отдавал на займы. Мама волновалась: чем детей кормить. – Ничего, как-нибудь проживем, – отвечал отец. Прожили, но уже без отца.

Его избирали депутатом Верховных Советов БССР и УССР. В Верховный Совет УССР он избирался от Сумской области, по одному избирательному округу с С. А. Ковпаком. Ковпак с 1947 года уже был депутатом и заместителем председателя Верховного Совета УССР. Тоже дважды Герой, прославленный партизанский командир. Возможно, Рязанов вспоминал с ним о своем полете 41-го года из окруженного штаба Кирпоноса с документами Бурмистренко, видимо, помогшими потом Ковпаку и другим партизанам. Или вспоминал об этом сам. В своей предвыборной речи Рязанов говорил: *«Успехи нашей страны бесспорны. Но они не могут успокаивать нас. Самоуспокоенность, как известно, всегда порождает благодущие и зазнайство. Многого еще предстоит сделать нашему народу, чтобы гарантировать нашу Родину от всяких случайностей, чтобы ускорить наше продвижение к коммунизму».*

Потом Святошино, за 3—4 месяца до смерти, тоже ведомственный дом в конце улицы Львовской, на берегу озера. Сейчас там ГАИ, а сам дом старый, его фотография есть в альбоме начала 20-го века в серии красивые дома Киева. Отцу очень нравилось: сосны, озеро, напоминало чем-то Большое Козино. Он полюбил святошинский дом за те месяцы, которые он там прожил. Большой участок, где бегают овчарки. Можно даже лошадей завести. Васи-

лий Георгиевич любил собак, и они любили его, ощущая, видимо, его властность и доброе отношение к ним. Даже одичавшие в войну полубезумные псы, первый раз видя его, подбегали и лизали его сапоги, преданно заглядывая в глаза. Любили его и лошади, – их он знал с детства. Есть фотография летом 42-го года, у Василия Георгиевича еще петлицы генерала. Он стоит с лошадью, держит ее за уздцы. Они, видимо, почти не знакомы, смотрят слегка настороженно, но у человека проглядывается добрая улыбка при взгляде на животное. А среди немногих сохранившихся вещей отца есть шпоры. Сохранился и барельеф лошадиной головы из какого-то легкого металла. Он пришпоривал жизнь. Но уже не в последние свои годы.

Сосны, зелень, тихо, воздух прекрасный. Наверное, ему уже рисовались картины долгожданного спокойного отдыха в этой благословенной обители, но судьба, как нередко бывает, и тут подвела. Потом в этом доме жил С. К. Горюнов, которого назначили на должность Рязанова. Недалеко дом, в котором поселился генерал Кириллов, в годы войны заместитель командующего 16-й воздушной армией Руденко. Его соседом был Виноградов, начальник политотдела этой армии. Василий Георгиевич ценил и уважал Алексея Сергеевича Кириллова, считал его очень умным и деловым человеком, все хотел привлечь его к совместной работе. Жалел, что не мог взять его своим заместителем. В записной книжке сохранилась короткая запись: 10.12. (49?) С Руденко С. И. 1. О Кириллове. 2. О 4-х полках. В то время, как у многих генералов, у Кириллова были неприятности, связанные с какой-то нездоровой обстановкой. Тогда его уволили из армии. Разрешилось все благополучно, но, к сожалению, уже после смерти Василия Георгиевича. Кириллову вернули погоны генерал-лейтенанта. Через много лет после смерти отца Алексей Сергеевич рассказывал мне о своей жизни: деревенском детстве, работе в скорняжной московской мастерской, службе в гренадерском полку. Но самым важным для него, Рязанова и многих, многих других стало время Великой Отечественной войны.

Его сын Леша, Алексей Алексеевич Кириллов, полковник, сейчас он в запасе. На кладбище, где похоронены наши отцы, он говорил мне: кажется, отец подсказывает, как поступать в критических ситуациях. У меня смутные воспоминания, как осенью 51-го маме или показалось, или действительно грабители хотели ночью влезть в дом. Она позвонила живущему рядом генералу Кириллову. Он пришел со старшим сыном Вадимом и охотничьими ружьями. Грабителей не нашли, но Кирилловы забрали нас ночевать к себе. Я какими-то урывками помню, как ночью шли к ним. Сейчас и Алексей Сергеевич, и Вадим на том же Лукьяновском военном кладбище. Вадим тоже был зам. командующего воздушной армией, был представлен к званию генерала, но торопился куда-то, приказал вылететь в плохую погоду, самолет разбился.

«...И мужество нас не покинет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.